

Наталья Генриховна
НАРАЕВСКАЯ

Янина

РОМАН

Наталья Нараевская

Янина

«Издательские решения»

Нараевская Н. Г.

Янина / Н. Г. Нараевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507092-0

В поместье Раевских останавливается отряд польских пограничников. Приглашенные на обед офицеры влюбляются в молодую хозяйку Янину, не замечая её молочной сестры Зоси, дочери служанки. Никто не подозревает о семейной драме Раевских, что отец Янины — не Кароль Раевский. Янине нравится капитан, но поручик готов на все. Лишь чудом денщик поручика спасает Янину из заточения в башне и разыскивает раненого капитана. Любовь побеждает зло, но героям приходится долго и трудно бороться за свое счастье.

ISBN 978-5-00-507092-0

© Нараевская Н. Г.
© Издательские решения

Содержание

От редактора	6
Об авторе	9
Глава 1. Молочные сёстры	10
Глава 2. Офицеры	15
Глава 3. Страсти в поместье Раевских	23
Глава 4. Пикник	30
Глава 5. Каменный крест	38
Глава 6. Зофия и Алекса	56
Глава 7. Семейная драма	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Янина

Наталья Генриховна Нараевская

Редактор Анатолий Зарецкий

© Наталья Генриховна Нараевская, 2019

ISBN 978-5-0050-7092-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редактора

Для меня этот «роман» начался с компьютерного послания, полученного от друга-однокашника в начале 2019 года: «Я тут нашел старую потрепанную тетрадку тридцатилетней давности, – сообщил он, – Моя тетя болела полиартритом и многие годы была прикована к постели. Тогда, спасаясь от постоянных болей и вынужденного одиночества, она написала много чего хорошего. Никто из окружающих и не подозревал об её увлечении литературным творчеством. Только сын постоянно подтрунивал: „Что ты, мама, там шкрябаешь? Никто никогда читать не будет“. Мне кажется, Анатолий, тебе быгодились её рассказы».

А вскоре Леонид прислал по электронной почте отрывок из рассказа его любимой тётки. Нет, это оказались вовсе не вымученные на закате жизни воспоминания больного человека. Это, мне кажется, настоящая литература.

«Спасибо, Лёнчик! „Тетрадка“ понравилась. Язык хороший у твоей покойной тетушки», – без промедления и вполне искренне ответил ему.

Уже через неделю пришел полный рассказ «Настенькино счастье» с припиской друга: «Толик, ты первый цензор. Тётя ждет „удара“ с того света. Правда, когда прочёл жене, сказала, нормально. Знаешь, женщины вряд ли скажут правду».

Пришлось подтвердить: «Привет, Лёнчик! Твоей тётушке нечего стыдиться – рассказ, конечно, любительский, но... Разумеется, кое-где надо править. Сообщи имя и фамилию автора. Опубликую в своём сборнике».

Ответ не заставил ждать: «У неё есть ещё пара рассказов. Правда, с моей скоростью печати придется пахать полгода. К примеру, роман „Янина“ моя покойная мама набирала на машинке с каких-то листочков из школьных тетрадок. В итоге вышло на 256 листов формата А4. Потом знакомые женщины читали запоем. На печатном экземпляре указан автор – Данилюк Наталья Генриховна. Остальные без подписи».

Так я, Анатолий Зарецкий, такой же «писатель-любитель», с удивлением узнал, что тётушка писала не только рассказы, но и более масштабные произведения, в том числе на украинском языке.

Понятно, что племянник с детства боготворил свою несомненно талантливую тётку – Наталью Генриховну Нараевскую. Он помнил её ещё совсем молодой жизнерадостной женщиной, не унывающей ни при каких обстоятельствах. Именно она открывала ему этот волшебный мир, от нее, по его словам, он узнавал, порой, больше, чем от родной матери. Обе женщины были участницами драмкружка, популярными исполнителями главных ролей во многих пьесах. Мама Леонида замечательно декламировала, а тётка на слух играла на любом инструменте: будь то бандура, гитара, скрипка, гармошка, аккордеон, а то и вовсе интеллигентное пианино. Да и пела великолепно, голос мягкий, завораживающий – совсем как у Анны Герман. Мама играла только на мандолине и только вальсы, зато оставила сыну на память несколько красивых мелодий собственного сочинения, правда без нот, исключительно на слух. Музыкального образования у сестёр не было.

Личная жизнь тётки не сложилась, точнее, она была исковеркана, как и у множества людей её круга. Выйдя очень рано замуж за молодого директора школы, свободно владеющего тремя языками, она и не подозревала, что на всю оставшуюся жизнь получит позорное клеймо «жены врага народа». Её репрессированный муж, Борис Нараевский, так и скончался в 1956 году на лесоповале Магадана, а его верная жена так никогда и не узнала, что он давно реабилитирован, и ей, как невинно пострадавшей, положено пожизненное пособие. А, вместе с тем, её

нигде не брали на работу, а если и брали, то исключительно на тяжелую и низкооплачиваемую. Чтобы как-то выжить, она копала огороды людям, штопала мешки для сахарозавода, собирала и сдавала бутылки. Тем и жила, пока не потеряла трудоспособность по болезни.

«Какая замечательная тётя! Жаль, что так нелепо сложилась её жизнь. Впрочем, а у кого она сложилась лепо?» – написал я тогда Леониду.

И понеслось, поехало:

– «Итак, дорогой Леонид, я уже прочел обе новеллы. Что могу сказать. Произведения в духе времени. Вряд ли основаны на подлинных событиях, но правдоподобны. Язык изложения неплохой, Тётушка много читала. Обилие диалогов. Можно сказать, изобилие. Чуть дополнить описаниями, и всё заиграет по-иному. Роман пусть еще полежит немного. Лучше понабериай. Не ленись, дружище. Память о трудах тётушки достойней лени»;

– «Есть у неё ещё рукопись на украинском языке под названием „Повість про Варку“ на 250 листах. Мне труда не составит набрать именно на украинском языке даже со своей корректировкой, но нужно ли это?»

– «Набирай на украинском. Я всё детство и юность читал на украинском. Мне было без разницы. Зато в библиотеке не стоял в очереди за книжкой – просто читал ее на украинском»;

– «Кукулечка кука, ве мне сердце стука.

Глупе тен кавалер, же с посагем шука.

Ку-ку, ку-ку, тра-ля-ля, тра-ля-ля,

Же с посагем шука.

Это выдержка из романа «Янина». Эту песенку я с детства знал и до сих пор мелодию знаю. Думаю, что перевод с польского для твоего понимания не потребуется»;

– «Какая чудесная „Кукулечка“! Эту песню тоже знаю с детства. Мы ее пели в школьном хоре, правда, на русском языке. Замечательная песня»;

– «Толя, я помню, ты говорил, что тетушка неплохо „фурычит“ в разговорном жанре. Для оценки отправляю повествовательный жанр», – как-то раз сообщил Леонид и ведь действительно прислал замечательное описание местности в районе села Казимировки.

Едва прочёл, ответил без промедления: «Привет, Лёнчик! Критиковать считаю бестактным. Подправленный вариант пришлю». Но, как в народе говорится, «обещанного три года ждут», и Леонид не выдержал: «То ли текст большой, то ли... Да это не столь и важно. Вспомнил своё детство и не только – вдруг вспомнил польский язык. Пару книг когда-то прочёл вслух для тёти, но писать на бумаге не пробовал. „Проше поведзиць, а тёця панна? Панна, дзецку, панна. Правда, было дзецко, але бардзо давно“. Хе-хе-хе!!!»

Эх, мне бы так вспомнить! Ну, хоть что-нибудь о своих великих польских предках. А то ничего, кроме сведений из интернета, да сухой справки от друзей брата из Польши. Фамилия наша, конечно, звучная. Да ещё с красивым родовым гербом! Увы, это девичья фамилия нашей мамы и чудом сохранивших её немногочисленных родственников, всю жизнь мечтавших навсегда забыть своё дворянское прошлое. А теперь это мой литературный псевдоним. Мельчают потомки.

И вот, наконец, продолжение диалога:

– «Здравствуй, Толик! Ты передал все то же, ничего не исказив, только более компактно и доступнее для понимания. Я твою коррекцию вставлю в основной текст с удалением старого повествования»;

– «Привет, Лёнчик! Ни в коем случае! Ничего никуда нельзя вставлять. Оригинал – это авторский текст, который не подлежит правкам. А далее формируется текст „под редакцией“. Редакторов, кстати, может быть сколько угодно, а вот автор всегда один. Вот. Жду продолжения банкета»;

– «Принято к исполнению! Чем дальше набираю текст, тем больше переносусь в своё далекое детство – плывут воспоминания, которые не затрагивались на протяжении 60-ти лет. Не знаю откуда, но вдруг всплыло: „То не штука забиць крука... А то штука голо дупо забиць ежа“...».

Что ж, есть контакт, дружище Лёнчик. Есть нечто, нас объединяющее и с тобой, и с твоей удивительной тётей – странная, на первый взгляд, любовь к чему-то заоблачному – к почти незнакомой великой Родине наших далеких польских предков.

Вот он передо мной – авторский текст романа «Янина». Я прочел его за одну ночь. Но, откуда столько информации у автора, всю жизнь прожившего в ином социальном обществе и никогда не бывавшего в стране, где живут и действуют его герои. Развитое «писательское» воображение? Не думаю, что только это. Мне кажется, есть-таки некая генетическая память, позволяющая извлечь из глубин подсознания то, что невозможно постичь разумом. А ещё воспоминания родителей и всех тех, кто ещё что-то помнил о былом и делился своим духовным богатством с жаждущими постичь и понять.

Когда мне было около пяти, в мои сны впервые прорвался и ужаснул фрагмент чьей-то жизни. С той поры и лет до семи страшный сон повторялся довольно регулярно, пока не выучил его наизусть, до мельчайших подробностей. Но, самое удивительное, в том сне ощущал именно себя, а не стороннюю личность. Окружавшие говорили на незнакомом языке, но я их понимал. То был не немецкий язык, потому что в свои пять лет нисколько не удивился – тогда я свободно общался на этом языке. Позже понял – то был то ли польский, то ли чешский.

Казнили какого-то человека. Я видел все до мелочей и мог подробно описать любую деталь трагической сцены. Меня окружали люди в удивительно красивой одежде, украшенной мехами, птичьими перьями и еще чем-то ослепительно сверкающим на свету. Стройными колоннами стояли солдаты в невиданной до того железной одежде. Очень много солдат. Только в руках у них были не автоматы, как у охранников лагеря немецких военнопленных, где я родился и прожил до шести лет, а очень длинные палки или громадные, как у нашего повара, ножи. Не могу сказать, какого возраста был во сне, но, думаю, далеко не пятилетним ребенком.

Помню ужас, который охватил, когда бедняге отсекли голову и подняли за волосы. Я видел искаженное страхом смерти лицо казненного, его обезглавленное тело и вздувающийся кровавый пузырь на месте головы. В пять лет я не мог знать подобных подробностей. Такого не показывали даже в фильмах, тем более, свой первый фильм увидел лишь в семилетнем возрасте.

Откуда, от какого предка досталась эта генетическая «зарубка» о пережитом когда-то потрясении? Не знаю. Но, я болел чужой болью много лет подряд – всякий раз, когда неконтролируемая во сне память подбрасывала мне, малолетнему ребенку, те жестокие события далекого средневековья.

Болел ли чем-нибудь подобным наш автор – Нараевская Наталья Генриховна? Несомненно. Я так думаю – Анатолий Зарецкий.

Об авторе

Наталья Генриховна Нараевская (Кетлинская) родилась в городе Каменец-Подольский в 1909 году в польской семье агронома.

Ранняя смерть отца лишила семью былого благополучия и вынудила переехать в Винницкую область.

В 16 лет Наталья вышла замуж за перспективного молодого директора школы Бориса нараевского, в 19 родила сына. Но, в суровые 30-е годы муж внезапно был объявлен «врагом народа» и репрессирован. В 1956 году он умер на лесоповале Магадана, не дождавшись реабилитации.

С малолетним сыном на руках, Наталья Нараевская, вероятно, так и осталась без средств к существованию, если бы не сестра, которой удалось устроиться статистиком на завод за мизерную зарплату, да и то «по благу». Саму же Наталью с клеймом «жены врага народа» ни на учебу, ни на достойную работу не брали вовсе.

Сестер спасал лишь их покладистый характер, врождённый оптимизм, да самодеятельный драмкружок, в котором обе блистали своими несомненными талантами.

Однако, вынужденная непосильная физическая работа постепенно подорвала здоровье Натальи Генриховны, и безжалостные хронические болезни навсегда приковали к постели.

И что теперь делать, если делать нечего, а изнурительные боли, как и бесконечные бесплодные мысли, не дают уснуть. А так хотелось, чтобы в памяти потомков остались чудесные рассказы её бабушек и тётушек о чьей-то совсем непохожей жизни, что когда-то кипела в чужой теперь стране, которая испокон веков была Родиной их предков, язык которых Наталья Генриховна не утратила до самой своей смерти в 1992 году.

Она так и не заметила, как стремительно и безвозвратно промелькнула её жизнь, когда вдруг безнадежно захотелось поделиться всем, что в итоге от неё осталось – отпечатанным на машинке романом «Янина», да горсткой рассказов, разбросанных по обрывкам школьных тетрадей.

Глава 1. Молочные сёстры

День выдался особенно хорошим. Вчера прошёл дождик – тихий, безветренный – зелень и цветы оттого стали еще краше. Вдали, километров эдак на пять, раскинулось село Казимировка. Оно утопало в садах, и всюду, куда ни глянь, от домов виднелись лишь соломенные крыши с мазаными дымоходами.

А возле красивого дома небольшого поместья одиноко стояли две девушки-ровесницы, лет восемнадцати, не старше. Одна, чуть пониже – черноглазая брюнетка с приятной улыбкой и добродушным выражением симпатичного личика. Другая – сероглазая тёмно-русая красавица с вьющимися от природы густыми волосами, двумя тяжелыми косами спускающихся чуть ли не до колен. Выражение её одухотворенного лица постоянно менялось от доброжелательного до строго повелительного, и наоборот. Обе девушки отличались отменным телосложением, близким к идеальному.

С наслаждением вдыхая свежий воздух, девушки неспешно направились к саду и остановились на пригорке, любуясь красотой окружающей природы.

Немного постояв молча, чернявая девушка вдруг обратилась к подруге:

– Панна Янина, вы поедете сегодня кататься на своём Дружке?

– Конечно, поеду, а ты почему спрашиваешь?

– Панна Яня, мне тоже хочется покататься.

– Так в чем же дело! Бери своего любимого коня Норку или Цытру и поедем. Как раз хорошо получится. Сейчас десятый час, до обеда еще четыре часа, мы с тобой как раз успеем покататься. Заедем в село к деду Матвею, он обещал дать майского мёда, и займемся приготовлением к столу на обед.

– А что сегодня будет? Кто-то на обед приедет, раз вы должны сами на стол накрывать?

– Ты тоже будешь мне помогать.

– Хорошо, с удовольствием, но кто же у вас такой уважаемый будет, что вы лично должны смотреть за хорошо поданным обедом?

– Ты разве забыла, что у нас во всех флигелях расположился отряд пограничников, и тётушка Агата пригласила их на обед? Я, конечно, хочу, чтобы всё было красиво, поэтому надень свое темно-красное платье, оно тебе очень к лицу.

– А я разве тоже буду сидеть за столом?

– Конечно, будешь. А почему ты спрашиваешь, разве тебе не положено?

– Ну, конечно же, не положено.

– Почему это не положено?

– Очень просто. Вы хозяйка в своём имении, а я только дочь служанки.

– Служанки-служанки! Ты ведь знаешь, что я той служанке, твоей матери, жизнью обязана, и она, твоя мать, мне также дорога, как моя родная, а ты мне молочная сестра, и больше не говори, что ты чужая.

– Спасибо вам, панна Янина, большое спасибо.

– Постой-постой Зося, а почему ты вдруг стала говорить со мной на «вы», да ещё панна Янина? Это что, какой-то новый каприз или насмешка?

– Что вы, панна Янина, разве я посмела бы над вами насмехаться, да еще в глаза?

– Ну, тогда объясни, почему вдруг ты стала ко мне так обращаться?

– Это потому, что мама мне сказала, чтобы я вам говорила «вы». Она сказала, что я вам не ровня. Я, конечно, согласилась потому, что это правда.

– Слушай, Зося, я тебе только что сказала, что ты моя молочная сестра, твоя мама выкормила меня грудью, и она мне, как мать. Ведь я её называю мамой и люблю, как родную, и тебя люблю. И знай, я всем с тобой поделюсь, что у меня есть.

– Как всем?

– Так! Всем, что у меня есть.

– И даже дадите – ой, забыла – и даже дашь мне Норку?

– Не только Норку, а всё тебе дам, всё поделю пополам: дом, скот, поле, деньги, – словом, всё.

– Яня, что ты говоришь? Кто тебе это позволит? Во-первых, ты еще несовершеннолетняя, а во-вторых, тебе твоя тетя не позволит. Ну, и твой опекун, Заремба, тоже не позволит. И я сама не хочу пользоваться твоей добротой. Хватит с меня и того, что ты ко мне хорошо относишься.

– Ну, так слушай, Зося! Через два года мне будет двадцать лет. Это значит, что я буду иметь право распоряжаться своим добром, как захочу. И я уже настолько взрослая, что знаю, как мне поступить. Давай, лучше, я тебя поцелую, и на этом закончим.

Девушки обнялись и стали прохаживаться по садовой аллейке. Сад был небольшой, но в нем царил строгий порядок. Аллейки аккуратные, ровненькие, песочком посыпанные, по бокам кусты смородины и крыжовника.

Гуляя по одной из аллеек, девушки задержались напротив кустов смородины, что росли красивым полукругом, и разговорились о своем, не заметив, что среди кустов, прямо на травке, давно уже уселись два офицера и теперь с интересом слушали их разговор.

– Яня, а ты видела солдат-пограничников?

– Нет, не видела, а что там интересного, солдаты как солдаты. А ты видела?

– Да, видела.

– Ну, и как? С рогами и копытами?

– Нет, не с рогами и не с копытами, а всё же интересные, в особенности, офицеры.

– А как же ты их видела? Ходила к ним?

– Ну, что ты, Яня? Разве я бы пошла к солдатам? Я их из окна видела.

– Ну, ладно-ладно, не обижайся, а лучше расскажи, какие они? Наверно, волосатые, глазастые, губастые.

– А вот и нет! Наоборот, очень красивые. Один светло-русый парень, а другой – тоже высокий, стройный и черный, как цыган. Знаешь, он смуглый, а волосы кудрявые и брови, как нарисованные. Знаешь, такой мужчина! Ух, какой! Даже не знаю как тебе лучше его описать. Вот, как придут на обед, сама увидишь.

– Э-э-э, я вижу, ты уже влюбилась по уши.

– Влюбиться я так скоро не могла, но, говорю тебе, что это ух! Мужчина.

– Ну, хорошо, в обед посмотрим, а теперь давай побежим вон туда, к той кривой яблоне, а от неё в эти кусты. Кто скорее добежит, та и влюбится в ух! Мужчину. Ну, раз, два, три, побежали! Только не обманывать!

И девушки побежали наперегонки, а офицеры все это слышали и с большим интересом ждали, что будет дальше, к какому кусту девушки добегут, и что они будут говорить. Они и не знали, что кусты были намечены именно те, за которыми они сидели.

Янина добежала первой, но оказавшись чуть впереди Зоси, зацепилась ногой за ветку, и повалилась прямо в объятия ух! Мужчины. А Зося рухнула следом, почти на неё. На мгновение девушки оторопели от неожиданности, да и мужчины тоже. Светлый мужчина поднялся первым (он оказался в сторонке от главных событий), и помог подняться Зосе. Янина вскочила самостоятельно, но когда еще невольно рвалась из удержавших её от опасного падения цепких рук чернявого мужчины, услышала, как тот удивленно, но не без бахвальства сказал:

– Ты погляди, Густав, пташка сама залетела мне в объятия.

– Я вижу, вы слишком уверены в своих успехах. Не залетела бы эта пташка в ваши объятия, если бы знала, что вы сидите в её кустах, как вор.

Чернявый красавец не ожидал такого жёсткого ответа, несколько смутился, но быстро поднялся, вытянулся в струнку, как перед начальством, и извинился:

– Прошу прощения, мадемуазель, я больше без вашего разрешения в сад не пойду. Вы меня простите?

– Да, ладно уж вам, ходите в сад, сколько душе угодно, только не подглядывайте и не подслушивайте девушек, потому что это некрасиво.

– Еще раз прошу прощения! Разрешите идти?

– Разрешаю, и до свидания.

Девушки ушли. Одна с поднятой головой, гордая, а другая с каким-то сожалением в глазах. Выйдя из сада, Зося сказала подруге:

– Яня, зачем ты его так отчитала?

– Как это зачем? А ты что же хотела, чтоб я осталась в его объятьях и млела от восторга?

– Ну, уж млела, не млела, но ты видела, какой он красивый?

– Вот именно, Зося, что он знает о своей красоте, и потому такой самоуверенный. А ну их, пошли в конюшню, а то не успеем к обеду, и тётка будет недовольна.

Офицеры, издали немного понаблюдали за удаляющимися девушками, и после длительной паузы заговорили:

– Ну, что, Роми, как тебе девушки, нравятся? Которая из них краше?

– Трудно сказать, обе хороши.

– Но всё-таки, которая красивее?

– Конечно, русая красивее. Только мне не нравится её надменность. Видно, что она о себе высокого мнения. Я таких не люблю. Но, ничего, она все-равно будет в моих объятиях, и при том сама ко мне придёт.

– Мне кажется, Роман, вы по характеру похожи друг на друга, и на сближение друг с другом повода не дадите из-за своего упрямства. Ну, а я этим воспользуюсь, и девушка будет моей. Она мне чертовски нравится. Что ты на это скажешь?

– Скажу, что будет моей. Могу с тобой держать пари, на что хочешь.

– Хорошо, держим пари, моя шашка, твой пистолет. Идет?

– Идет! По рукам!

Так, разговаривая, офицеры вошли в свой флигель и принялись прихорашиваться, готовясь блеснуть на званом обеде.

Девушки тем временем заехали к пасечнику, деду Матвею. Тот сидел на бревне и что-то строгал. Увидев девушек, поспешно встал, открыл ворота и поприветствовал приезжих:

– Здравствуйте девочки, здравствуйте мои красавицы! Подождите, я только закрою ворота и помогу вам слезть с лошадей.

– Вот, чего не хватало, чтобы ты нас с лошадой ссаживал. Что мы больные или маленькие?

И, привязав лошадей к забору, девушки принялись целовать деда, приговаривая:

– Здравствуй, наш хороший родной дедушка. Дай бог тебе здоровья, долгих лет жизни, чтобы ты был у нас посаженным отцом на свадьбе. Ведь у нас нет своих отцов, ни у меня, ни у Зоси. Хорошо, дедусь, будешь?

– Хорошо-то, хорошо, барышня дорогая. Но тебе будет стыдно меня за отца приглашать. Я ведь простой крестьянин, а ты барышня.

– Ой, дедушка, как мне надоело, что вы все зовете меня барышня, да барышня. Когда я уже буду вашей? Разве мой отец был князь или граф? Он был такой же, как и вы. Только мой дед сумел нажить денег, по-умелому вести хозяйство, прикупил земли, построил лошадиную ферму и выучил моего отца. А отец меня научил, дал образование, ну и на маме, культурной и образованной, женился. И таким вот способом я стала барышней. Но происхождения-то

вашего, и не чуждайся меня, дедушка Матвей. Хотя ты родной дед Зоси, но будь и моим дедом. Ведь у меня никого нет, правда. Одна тетка, но и та со странностями. Если бы не мать Зоси, то, наверно, я или уже давно умерла, или была бы такой, как моя бедная тётя. Ей, моей тёте, только кажется, что она ведет хозяйство, а фактически хозяйство ведет Зосина мама, Павлина Вишневецкая и Петро Бондарык, наш управляющей. Ну что, дед, будешь меня чуждаться и отталкивать от себя? – и Янина, обняв деда, склонила свою головку деду на грудь и заплакала, вспомнив по рассказам и фотографии свою покойную мать. Отца она хорошо помнила. Когда тот умирал от чахотки, ей было восемь лет. Перед смертью отец позвал её, лежа уже в постели, и сказал:

– Доченька, ты уже большая настолько, что поймешь меня. Если я умру, то помни, будь для тётки Агаты хорошая, и конечно, во всем будь хорошая, но слушай только свою молочную мать и Петра Бондарыка. Они честные и добрые люди. Я им оставляю свое хозяйство и тебя. Они помогут тебе учиться и стать хорошим человеком.

Девочка понимала, что отец скоро умрет, об этом она не раз слышала. Она выслушала всё, что говорил отец, с минуту помолчала, а потом внимательно посмотрела на отца и тихо спросила:

– Папа, ты скоро умрешь и пойдешь к моей маме? Да, папа?

– Да, детка, пойду к маме.

– Папа, а там, где моя мама очень страшно?

– Нет, моя дорогая Яничка, если человек добрый, честный, ему даже очень хорошо, а если человек подлый, жадный, завистливый, тому на том свете будет плохо. Но ты, моя дочка, будешь хорошей. Правда, доченька, правда?

– Да, папа, я буду слушать мою молочную маму и дядю Бондарыка.

Ночью, отец Янины, Кароль Раевский умер. Девочка не плакала, только сидела у ног отца целых два дня и после похорон тоже сидела у той же кровати. Так сидя, дремала, а проснувшись и очнувшись от дремоты, все глядела и глядела на подушки, на которых лежал отец. Она его видела в своем воображении. Четыре дня девочка ничего в рот не брала, и кто его знает, чем бы это кончилось, если бы Павлина Вишневецкая не увела её в село, к своему отцу, деду Матвею. И вот, вспомнив все это, Янина и всплакнула на груди старика.

– Полно, девочка, успокойся, не надо плакать, никто от тебя не отворачивается, не отталкивает. Наоборот, я очень рад, что ты сама перед нами не гордишься.

– Дед, а дед, ты знаешь, что мне сейчас сказала Яня? – отозвалась вдруг Зося

– А что, Зосенька, у тебя есть какие-то сомнения насчет нашей к ней доброжелательности?

– Нет-нет дед, совсем не то.

– А что же, наконец?

– Яня сказала, что поделит всё своё хозяйство и имущество со мной пополам.

– А-а-а, это дело серьёзное. Янина еще молодая, несовершеннолетняя. Надо, Яничка раньше подумать, чем обещать.

– А я, дедушка, всё передумала, и в своё время сделаю, как обещала.

– Ну, ладно девочки, пока что-то, когда-то будет, садитесь за стол, угощу свежим медом. Вот понюхайте, как пахнет.

Девушки с наслаждением поели свежего меда с пшеничным пухленьким коржом, запивая козьим молоком.

– Какое у тебя, дедушка, все вкусное и как у тебя приятно посидеть. Только нам уже пора возвращаться домой к обеду, а то тетка будет нервничать. Знаешь, к нам сегодня на обед придут неожиданные гости.

– Неожиданные? – переспросил дед – Что, может быть сваты к которой-нибудь из вас?

– Нет, дедушка, не сваты, а вчера к нам заехал маленький отряд, из сорока душ пограничников. Вот тётя и догадалась, пригласила ихнюю старшину сегодня на обед, а сама не может управиться. Вот поэтому мы и спешим. Второй раз приедем надолго, а может быть, тебе надо что-то сделать, то мы сделаем. До свидания, дедушка, мы скоро приедем.

– До свидание, дорогие девочки, счастливой вам дороги, буду вас ждать.

Дед смотрел и смотрел вслед удаляющимся, пока они не скрылись, потом сел на заваulinke под своим домом и подумал: «Хорошая дочь покойного Раевского. Хоть бы её кто не испортил, не сбил с правильного пути. И правильно она рассудила, что хочет поделиться своим именем с моей внучкой. Правда, невелико то хозяйство, но сколько надо крестьянину, чтобы был одет, обут, сыт, – вот и все его счастье. Да ладно, проживем – увидим, как говорится».

Девушки возвращались домой веселые. Шутили, вспоминали утреннюю встречу с пограничниками и даже спели шуточную песенку. Зося первой начала петь. Янина подхватила, и так всю дорогу они то пели, то шутили:

Кукулечка кука, ве мне сердце стука.
Глупе тен кавалер, же с посагем шука.
Ку-ку, ку-ку, тра-ля-ля, тра-ля-ля
Же с посагем шука.
Кукулечка кука, коло мего ганку.
Сёнде и помысле о своем коханку
Ку-ку, ку-ку, тра-ля-ля, тра-ля-ля
О своем коханку.
Кукулечка кука коло моей кухни.
А кто мне не коха, нех му сердце спухни.
Ку-ку, ку-ку, тра-ля-ля, тра-ля-ля
Нех му сердце спухни.

– Ха-ха-ха, Яня, ну скажи, кому?

– Ну, кому же, кто тебя не любит, не кохает.

– Только бы не спухло чернявому офицеру, – сказала Зося.

– Вот ему-то и надо, чтобы спухло.

– Ой, Яня, почему ты такая к нему жестокая?

– Да, я, Зося, совсем не жестокая, он даже и мне немного нравится. Только я тебе говорила, что он задавака, а от таких мало толку. А вот блондин, видно, скромный, деликатный, и поэтому мне лучше нравится. В общем, сегодня за обедом посмотрим.

Глава 2. Офицеры

Стол был накрыт на пять персон. Убедившись, что всё готово к приему гостей, девушки ушли в свою комнату одеваться.

– Яня, ты какое платье наденешь?

– Думаю, это, рябенькое.

– Ну, нет, только не это, ты в нем выглядишь, как курица-цесарка.

– Ну, и что, надену это платье, на лицо наляпаю черных крапинок в тон платью. И когда выйду к гостям, закричу, как цесарка, жалобным протяжным голосом, а потом широко расправлю юбку, как индюк хвост, надую щеки и загулькую, как он: гулю-гулю-гулю.

– Ха-ха-ха! А это ещё зачем? – смеясь, спросила Зося, – Вот если бы ты в самом деле так сделала, гости бы перепугались. Подумали, что ненормальный дом и люди в нем живущие. Они бы сразу от нас удрали.

– Ну, и подумаешь, Зося, что за беда. Пусть бы удрали.

И девушки принялись дурачиться, изображая испуганных гостей, с криками убегающих со званого обеда.

Тетка Агата, проходившая через коридор, услышав те громкие крики, вбежала в комнату девушек и остолбенела, увидев Янину в старом пестром платье и её лицо в странных черных пятнах:

– Ох! Несчастье мое! Янка, что с тобой? Павлина! Павлина! Иди сюда скорее! Где же ты, Павлина? Ой, несчастье моё, ой, горе моё. Это же оспа. Где градусник? Надо измерить температуру. Ой, Павлина, надо немедленно вызвать доктора.

В комнату девушек влетела испуганная причитаниями хозяйки Павлина и взволновано спросила:

– Что такое? Кому и зачем доктор? Где и у кого оспа? Пани Агата, в чем дело, скажите, пожалуйста, толком.

А девушки, учинившие переполох, задыхаясь от душившего их смеха, закрыв лица руками в изнеможении повалились на кровать. В отличие от тётюшки Агаты, Павлина сразу сообразила, что девушки проказничают. Она сняла руки с лица у одной, потом у другой, увидела этот маскарад и рассмеялась:

– Пани Агата, девицам доктора не надо, я их сама вылечу.

– Ты? А как?

– А вот так! Всыплю обеим березовой каши в некоторое место и будут здоровые. Вы посмотрите, никакая это не оспа, а Янина сама себя зачем-то разукрасила. Наверно, к приезду кавалеров.

Сказав это, Павлина вернулась на кухню, а тётя Агата постояла еще немного в недоумении, поняла, наконец, девичьи шутки, сплюнула с досады, и ничего не сказав, ушла.

Девушки, окончив свой туалет, пошли в столовую, уселись на диван и, чтобы не было скучно ждать, в сотый раз занялись альбомом.

– Яня, как тебе нравится этот парень на фото? Это кажется твой первый жених, а может, десятый?

– А, Павлик. Ничего, славный парень, только не десятый, а первый.

– Почему ты не захотела с ним гулять?

– А почему ты, Зося не захотела с Франеком гулять?

– Потому что, когда Франек разговаривает, у него брызги изо рта летят. Однажды, когда с ним разговаривала, у меня за минуту все лицо стало мокрым.

– О, таких надо особенно опасаться. Очень хорошо, что ты в него не влюбилась. За редкозубых нельзя выходить замуж.

- А почему за редкозубых нельзя? Ты что-то заешь?
- Конечно, знаю, и даже наверняка.
- Ну, так скажи.
- Э-э-э, скажу после.
- После чего?
- После обеда, когда наши гости уйдут.
- А что общего имеют гости с этим вопросом?
- Ладно уж, скажу. А вдруг ух! Мужчина тоже редкозубый?
- Ну, так что, пусть будет. Ему всё сойдет.

– Сойдет-то сойдет. Но, представь себе, что ты в него без памяти влюбилась и вдруг, хорошо не подумав, выходишь за него замуж. Только знай, все редкозубые очень влюбчивы и очень изменчивы. А ты, вдобавок, страшно ревнивая. Ну, и что получится. А получится, что ты не успеешь даже лица отмыть после разговора с мужем, а он уже ушел из дома. Ты хватаешь, что подвернется под руки, и давай бегать от дома к дому и колотить окна милашкам своего мужа. Вот чем опасны редкозубые мужья.

Зося рассмеялась от души, то поднимаясь, то приседая на диване.

- Ах, Янка-Янка, ну, ты плетешь, как из книги читаешь. Ты бы лучше сказки писала, фантазии у тебя хватает. А, между прочим, это наверно ты сама влюбилась в ух! Мужчину.
- Почему это я?
- Потому, что больно на него нападаешь.

Вошла тётя Агата с недовольным лицом.

– Слушайте, девушки, нехорошо так громко смеяться. Вдруг, войдя в коридор, молодые люди, услышат и подумают, что вы плохо воспитанные барышни.

Девушки тут же приняли приличный вид, сели на диван и продолжили смотреть альбом, извинившись перед теткой, поскольку она была права.

Минут через десять послышалось осторожное шарканье ног в коридоре, и в дверь постучали.

– Пожалуйста, входите, – пригласила одна из девушек.

Офицеры вошли, и начались взаимные представления, начиная, конечно, с тетушки Агаты. Элегантно шаркнув ножкой и позвякивая шпорами, первым представился ух! Мужчина:

– Роман Зарыцки.

А за ним и второй:

– Густав Маревич.

При знакомстве офицеров с барышнями Янина вдруг выпалила:

– Ах, знаю-знаю, что вас зовут Густав, ещё с самого утра.

– А ты откуда знаешь? – вмешалась в разговор тетя Агата.

Янина спохватилась, что поступила опрометчиво, объявив всем, что знает имя офицера Маревича, но, собравшись, вышла-таки достойно из весьма щекотливого положения:

– Ай, тетя, разве я не говорила, что занимаюсь хиромантией? Как только увидела пана Густава утром издалека, сразу узнала, как его зовут.

– Какое безобразие, какая ещё хиромантия? Почему я не знаю, что ты занимаешься какой-то чепухой?

– Тетя-тётя, пожалуйста успокойся, я больше не буду.

Но тётка не унималась и продолжила укорять племянницу:

– Так может ты знаешь с этим призраком, что живет в крепости?

Гости тут же заинтересовались словами тётки и спросили почти одновременно:

– А что это за крепость, и что за призрак?

– Да уж лучше её спросите. Она, как сядет на своего любимого коня, то облетает полсвета. Это не девушка, а настоящий сорванец, да еще и эту учит разным штукам.

Первым отозвался Роман Зарыцкий, перебивая поток слов пани Агаы.

– Шановна пани, это же хорошо, что девушка такая отважная. Не боится никаких мнимых призраков.

– Да, по вашему хорошо, а по моему ужасно гонять на таком буйном коне, да в придачу придумала еще какую-то ворожбу.

– Ах, тётя, дорогая, – обнимая тётку, сказала Янина, – Гости еще даже не сели, а вы уже наговорили им обо мне такой ужас, что они испугаются и убегут от нашего обеда.

– Ах, простите, пожалуйста, прошу вас, садитесь. Ну, девочки, садитесь и вы и приглашайте гостей, а я пойду на кухню.

В это время вошла Павлина с супницей в руках, пани Агата вынула из шкафа холодную закуску, бутылку превосходного домашнего вина, и обед начался.

Густав встал из-за стола, откупорил бутылку и наполнил всем рюмки. Пани Агата подняла свою рюмку и предложила выпить за новое знакомство.

Вторую рюмку пани Агата предложила выпить гостям, за что они пожелают. Поднялся Роман и предложил, обращаясь ко всем:

– А я пью за то, чтобы панна Янина приколдовала нас обоих к этому дому.

– Правильно, Роми, правильно, я с тобой согласен, – поддержал его Густав.

– Что, не боитесь колдуньи? – спросила Янина.

– Ой, нет, ничуть не страшно, – сказал Густав, – С такой колдуньей я пошел бы на край света, куда бы она ни приказала, но лучше было бы остаться в этом доме.

Роман промолчал, но про себя подумал: «Ну, уж нет, брат ты мой, она тебе не достанется, она будет моей».

Так в шутках и разговорах прошел первый обед в маленьком поместье Раевских. Офицеры ушли в свой флигель, довольные обедом и хозяевами.

– Ну, как тебе нравится обед и хозяева? – спросил Густав.

– Да, Густав, мне нравятся девушки и даже пани Агата, хотя она, очевидно, немного со странностями. А вообще хорошо в этом доме, чувствуешь себя как-то свободно, непринужденно, хоть и хозяйка этого дома совсем молодая. Интересно, откуда эти селяночки получили воспитание и неплохое образование? Я заметил в одной комнате фортепиано, кто-то из них, похоже, играет. Наверно, пани Агата. В таком случае потанцуем с девицами.

– Да, конечно потанцуем. Только я тебя, Роман, прошу об одном: не ухаживай за Яниной, ухаживай за Зосей. Это тоже неплохая девушка.

– Вот как! ты мне приказываешь с кем гулять?

– Да нет, Роми, не приказываю, а прошу.

– Знаешь, Густав, в таких случаях не просят и не приказывают. Кому с кем нравится, с тем и гуляют. А девушка сама выберет, кто ей нравится.

– Да, Роман, ты прав во всем, но все же.

– Что, все же?

– Ничего.

И так, поспорив из-за девушек, братья разошлись, кто куда.

С приездом военных, дом в маленьком поместье оживился. Пани Агата, несмотря на свои сорок пять, словно помолодела. Для домашних это стало заметным. Стала лучше одеваться, следить за прической, надевать разные украшения.

Вечером послали старого слугу Юзефа пригласить офицеров на ужин, но во флигеле тот никого не застал. Офицеры куда-то уехали и вернулись поздно. В доме уже все спали,

и первый вечер обошелся без гостей. Девушки тоже куда-то исчезли. Пани Агата не дождалась их на ужин и легла спать, приготовившись основательно выговорить девушкам за самовольную отлучку. Впервые они куда-то ушли, не сказавшись ни тётке, ни молочной маме.

А девушки, узнав, что кавалеры на ужин не придут, ушли в сад и там, расположившись среди кустов, провели весь вечер в разговорах и мечтаниях. В саду их окутала уютная тишина, нарушаемая лишь стрекотом кузнечиков и сверчков. Девушки мечтали, каждая о своем, и разговаривать не хотелось. Первой заговорила Зося.

– Какая ты, Яня, счастливая.

– Интересно, в чем ты видишь моё необыкновенное счастье? – спросила, пробудившись, как ото сна, Янина, – Неужели в том, что у меня есть это маленькое хозяйство, а у тебя его нет? Ведь я тебе ясно сказала, что мы нашим хозяйством поделимся.

– Ах, Яня, да я совсем не о том думаю. Хотя и то, о чем думаю, тоже глупо и не стоит говорить.

– Может, и глупо, но раз начала говорить, скажи, рассудим вместе, глупо или умно. Знаешь, говорят, одна голова – хорошо, а две – еще лучше.

– Я, Яня, подумала, только без зависти, какая ты счастливая, что такая красивая, умная и смелая.

– Ну, знаешь, Зося, если это так, я не виновата. Этот дар природы ни у кого не отняла, и, мне кажется, я им не злоупотребляю. Я поняла, на что ты намекаешь. Тебе понравился Роман Зарыцкий, а он на тебя не обращает внимания. Но, согласишься, я тоже не обращаю на него никакого внимания, даже обращаюсь с ним немного грубовато. И так буду всё время, и в конце концов он поймет и от меня отстанет.

– Нет, Яня, не отстанет.

– Что значит, Зося, не отстанет? Я не теленок и не лошадь, чтобы меня на веревке увести.

– Да, не теленок и не лошадь, но все равно он от тебя не отстанет. Ты не видела, как он на тебя смотрел? Мало говорил, больше молчал, и только на тебя глядел такими горящими глазами. Ты его не хочешь, а я хочу. Да только, что сделаешь, силой не заставишь.

– Ничего, Зося, я его скоро отошью, и он к тебе повернется. Всё у вас наладится. И как мы можем судить, увидев этих людей в первый раз?

Утром, когда все сошлись на завтрак, пани Агата была очень вежлива со всеми, и девушек в присутствии гостей уже не бранила.

– Почему, господа, вы не пришли на ужин? Я послала Юзефа, он сказал, что вас не было, – спросила пани Агата.

– Большое вам спасибо, уважаемая пани, но нас действительно не было. Мы с братом прогулялись на лошадях, – ответил Роман.

– И где же вы были? – поинтересовалась пани Агата.

– Да так. Немного поехали по вашим полям. Красивые посева, чувствуется хозяйская рука.

– Да. Это наш управляющий так хозяйничает. Хороший он человек, без него мы бы пропали. Ну, садитесь, пожалуйста, завтрак остынет. А на обед, пожалуйста, не уходите никуда, – предложила пани Агата.

– Уважаемая пани Агата, мы после обеда уедем.

– Уедете? Куда?

– Будем разъезжаться по своим домам.

– По своим домам? А куда и откуда вы едете, если не секрет, скажите?

– Нет, пани, никакой не секрет. Наш маленький отряд служил на границе три года без отдыха, а три года на границе это целая вечность. И вот, за нашу старательность и, так сказать, храбрость, отпустили нас на два месяца домой на отдых.

– А далеко вы держите путь?

– Да, пани, довольно далеко, в Краковское воеводство.

– Вы что, из одной местности?

– Почти что все. Мы с Густавом из-под самого Кракова, из села Малая Тарновка. Мой брат Густав имеет в Тарновке свою маленькую собственность.

– Нет, Роман, и твоя собственность тоже.

– Ну, Густав, какая там моя. Ничего там моего нет, и нам не на чем там сидеть вдвоем.

– Как же так? – отважившись заговорить, спросила Зося, – На том сидеть и жить, Вы же, я слышу, братья. Так почему же одному всё, а другому ничего?

– Ах, уважаемая панна Зося, там действительно не на чем жить, и мы братья, но очень далекие, как говорится в пословице, «десятая вода на киселе». Или еще говорят: «Квас-квас малиновый, семь раз наливочный» – вот такие мы братья.

– Тогда, если не секрет, почему же вы до сих пор вместе жили? – спросила до сих пор молчавшая Янина.

На голос Янины у Романа глаза засветились как-то особенно, и он поспешно ответил только ей:

– Знаете, панна Янина, когда мы с Густавом были подростками, а наши родители жили по соседству, появилась эпидемия оспы. Люди в нашей местности повымерли, мало кто остался в живых. В моем доме из всей семьи остался один я, а у Густава в семье остались только он и его отец. Тогда и начались наши бедствия.

Тут Роман замолчал и посмотрел на Густава.

– Ну, что же ты замолчал, говори дальше, – сказал Густав.

– Разве это обязательно? – переспросил Роман.

– Я знаю, Роман, ты из деликатности не хочешь о моём отце плохо говорить, но теперь, какая разница.

– Кончай, Густав, если хочешь. А я свое сказал.

– Ах, нет-нет, господа, если это для вас неприятно, так и не надо. Наше любопытство мы можем умерить, – поспешно сказала Янина.

– Да нет, панна Янина, это дело прошлое, и я могу сказать.

– В общем, когда мы с моим отцом и братом остались только втроем, тогда и стали бедствовать. Знаете, как в доме без женщины тяжело, прямо невыносимо. Вот мы так мучились-мучились и стали продавать всё, что нам казалось лишним. Наконец, мой отец впал в уныние и начал потихоньку пить. В общем, пропил все, что еще осталось в доме, а потом пропил всё имущество Романа, поле, скот, дом, и, наконец, сам умер. Было нам тогда всего по восемнадцати, а руководить нами некому. Мы с ним советовались-советовались и решили пойти добровольцами в пограничный отряд.

– А дом и поле ваше, что с ними случилось? Вы их тоже продали, уходя на военную службу? – спросила пани Агата.

– Нет, домишко наш до сих пор стоит, никто его не трогает. Правда, в плачевном состоянии, но всё еще стоит. Вот теперь мы поедem и отремонтируем дом и всё приведем в порядок, – закончил Густав свое повествование.

– Вам надо обоим жениться. Вам нужна хозяйка, – сказала пани Агата.

– А кто согласится идти в такое запущенное хозяйство? – засомневался Густав.

– — Почему вы так думаете, пан Густав? За вас любая девушка замуж пойдет. Вы оба с братом, паном Романом, такие красивые симпатичные люди, – сказала пани Агата.

– Спасибо вам, дорогая пани, за комплимент и большое спасибо за приют. Нам уже пора отправляться в дорогу, – ответил Густав.

– Не спешите, пан Густав, погостите. Перед вами еще два месяца. Знаете, мы рады, если к нам кто-нибудь заходит. Мы живем далеко от города. Здесь, правда, хорошо, но такая глушь, – предложила пани Агата.

– Спасибо за приглашение, но мы не одни. Сорок два человека это такая орава. За недельку мы опустошим все ваши припасы, – сказал Роман, но после минутного раздумья добавил, – Хорошо, мы останемся еще на пять дней. Это и для нас хорошо, отдохнем перед дорогой, а она у нас длинная. Только разрешите поохотиться в вашем лесу. Кажется, там много дичи. Будет, чем нас кормить.

– Хорошо, пан Роман, Вы это правильно придумали. Как ты скажешь, Янина?

– Конечно, хорошо. Дичи у нас много. – согласилась Янина.

На том и порешили. А пани Агата была так довольна согласием гостей остаться ещё на пять дней, что поспешила в кухню и велела кухарке приготовить шоколад на молоке и испечь пончиков. Правда, положив руку на сердце, следует признаться, что пани Агата всё это делала не без расчета. Она уже представила, что эти два офицера вполне подходящие мужья девочкам, и хорошо, что оба ничего не имеют. Тогда бы не увезли жен, и все остались бы здесь, на месте.

Дом в маленьком поместье Раевских небольшой, но спланирован и меблирован со вкусом. Окна оторочены кружевными занавесками и бордовыми бархатными портьерами с золотистой бахромой. Такая же обивка на диване, мягких стульях и точеной полированной этажерке, на которой вольготно разместилась стопка толстых альбомов в сафьяновых и бархатных переплетах. Стены украшены прекрасными картинами известных итальянских художников.

А в светлом коридоре, ведущем на большое крыльцо – целая галерея картин с видами гористой местности Швейцарии и Германии. Свет на картины льется через стену, застекленную от потолка и почти до самого пола.

А на фронтальной стене галереи – огромная картина, на которой изображена неприступная крепость на скале. Лишь с одной стороны к ней тянется узкая извилистая дорога-змейка. По обеим сторонам дороги – каменный забор, шириной в полтора метра. Полукольцом обнимающая скалу, несет свои воды довольно широкая в этом месте река. По левой стороне картины виднеются горы, местами покрытые пятнами лесных массивов. Над рекой парит орел, расправив могучие крылья и вперив взор в группку горных козлов, пьющих воду и не видящих грозящей им опасности. А по правую сторону, прямо у реки, раскинулось утопающее в зелени село. Это и есть та самая Казимировка, о которой шла речь в начале повествования, и где жил пасечник Матвей – Зосин дед.

Когда вошли в гостиную, лучи солнца на закате осветили комнату, и все поневоле прищурили глаза. На минуту показалось, что мебель движется – то куда-то уплывает, то опять становится на место. Все уселись спиной к тому окну, откуда проникали лучи. Вдруг Зося вскрикнула:

– Яня-Яня! Смотри!

– Что такое? На что смотреть?

– Смотри, Яня, – побледнев, растерянно продолжила Зося, указывая на картину, – Пастух по полю ходит и на тебя смотрит. Вот-вот, поднял свой кнут, а теперь опустил.

Все посмотрели на картину, которая висела справа на стенке от двери.

– Ой, Зося, что ты фантазируешь. Никакой там пастух не ходит и на меня не смотрит.

– Но, я ясно видела, как вижу вас.

Все посмеялись над фантазией Зоси, а Густав сказал:

– Панна Зофия, вы о чем-то мечтаете, и потому вам так показалось.

– Уж не думаете ли вы, что я мечтаю о каком-то пастухе? – обиженным тоном спросила Зося.

Во время этого разговора Роман подошел к картине, несколько минут внимательно смотрел на неё и вдруг сказал:

– Да, панне Зосе действительно показалось, что пастух движется. Там за столом должна быть где-то вода, ветер водой и ветками сирени колыхает, и все это с красными лучами солнца отразилось на картине, и она как будто ожила.

Зосе сразу стало легко и радостно оттого, что именно Роман её оправдал.

– Спасибо вам, пан Роман, что выручили, а то действительно посчитали бы меня фантазеркой.

Солнце окончательно село, в комнате все встало на свои места.

– А кто играет на пианино? – спросил Густав.

– Мы все трое немножко бренчим, но тетя Агата лучше нас играет.

– Сыграйте нам что-нибудь.

– Хорошо, только вы нас не очень критикуйте.

– Да какой из меня критик, я в музыке не разбираюсь. Вот Роман, другое дело, он музыкант, его остерегитесь.

– Вот как! – воскликнула Зося – Тогда вы, пан Роман, садитесь и сыграйте нам. Лучше мы вас послушаем.

– Панна Зося, я играю на флейте.

– Тогда принесите вашу флейту.

– Панна Янина, пока Роман принесет флейту, вы нам что-нибудь сыграйте.

– А что же вам сыграть, пан Густав?

– Песенку, в которой такие слова:

Если кохаш мне сердечне

То ми сердце дай.

Если кохаш мне статечне

То ми рончки дай.

Ой не дам ци мего сердца

Бом другему дала.

Ой не дам ци моей рончки

Бом юж йо звензала.

Пошедл Янек в свят широки

Шукаць лепшей доли

И не зналязл, бо он кохал

Тылько едне Оли.

– О, знакомая песенка, – воскликнула Зося, – Давай, Яня, сыграем в две руки и споем.

Девушки сели за пианино, зазвучала музыка, девушки запели нежными приятными голосами. Вошла пани Агата и спросила:

– А где пан Роман? Что, уже ушел отдыхать?

– Роман сейчас придет, он ушел за своей флейтой. Сейчас будет вас очаровывать своей серенадой. Это такой хвастун.

Последние слова Густав сказал вполголоса, чтобы услышали только девушки. Реплика девушкам не понравилась, и Янина спросила:

– Пан Густав, почему вы о своем брате так плохо отзываетесь? Он вам сделал что-то неприятное? Чем-то вас обидел?

– Да нет, просто он хвастун, задавака, и я его не люблю за это. Но это всё пустяки, не стоит больше говорить.

Вошел Роман и прерванную песню продолжили вместе с флейтой. По окончании, пани Агата захлопала в ладоши и похвалила:

– Хорошо у вас получилось. Я и не знала, что флейта и пианино гармонируют.

– Пани, если вы меня одобряете, я вам сыграю еще и наш походный марш.

– А что я вам говорил? – пользуясь тем, что Роман отошел к столу и вынул из кармана свою маленькую книжечку с нотами и искал свой любимый марш, шепотом сказал девушкам Густав.

После музыки пани Агата пригласила гостей в столовую и, только уселись, вошла Павлина, неся на подносе в кофейнике ароматный шоколад и целую гору свеженьких пончиков. Девушки подскочили и помогли все это расставить на стол. Янина представила Павлину:

– — Наша с Зосей мама, Павлина Василевская.

Офицеры поднялись и почтительно поклонились, поцеловав Павлине руку. Они поняли, что эта женщина пользуется в доме уважением. Чтобы сделать девушкам приятное, гости стали хвалить пончики.

– Пани Вишневская сама пекла такие вкусные пончики? – спросил Роман.

– Да, сама. Кухарке некогда, и я сама пекла. Я давно служу у господ Раевских и многому научилась.

– Мама, милая, ты у нас не служишь, а вместе с тётей Агатой ведете хозяйство, – сказала с досадой Янина.

– Да-да, Яничка, милая, конечно, с пани Агатой хозяйничаю. Ты уж прости меня, что не так выразилась. Знаешь, я женщина простая, ты уж меня извини.

Еще поговорив о том, о сем, гости пожелали доброй ночи и ушли.

– Ну, что скажешь Яня? – спросила Зося.

– А что мне говорить? Знаешь, мне твой Густав категорически не нравится. Сразу видно, что это ядовитый человек. Ты, Яня, в него не влюбляйся, лучше полюби Романа. Я тебе говорю, что это ух! Мужчина. А Густав исподтишка ябедничает.

– Зося, а тебе Романа не жалко? Ты же его любишь, а мне предлагаешь.

– Да что с того, что он мне нравится, если я ему не нравлюсь. Полюби его Яня, полюби. Он этого стоит.

– Нет-нет, Зося, он мне не нравится, а что Густав его критикует, возможно, он того стоит. И при том, как мы можем судить, если их не знаем, а за два дня человека не узнаешь.

– Может и так, – вздохнула Зося, – Спокойной ночи, я уже сплю.

Девушки направились в спальню. Зося накрылась летним одеялом и тут же уснула, а Янина долго еще не могла уснуть. Она думала над словами подруги. «А в самом деле, почему Густав так старается выпятить недостатки своего брата? Правда, он ему далекий брат, почти чужой, но раз они вместе росли и такое горе перенесли, только от этого уже можно породниться. Нет-нет, Густав прав, наверно Роман ему крепко насолил, раз тот ему мстит таким способом. Правда, если присмотреться, Роман очень привлекателен, а Густав даже некрасивый. Разве что ростом хорош, стройный и все. А если гоняться за красотой, то это тоже ни к чему». Так рассуждая, Янина не заметила, как уснула.

Глава 3. Страсти в поместье Раевских

Завтрак прошел оживленно, пани Агата рассказывала о своем хозяйстве, о прошлых временах и еще много о чем.

– Да, я все время о своем хозяйстве, а теперь вы нам что-нибудь расскажите.

– Мы уже всё о себе рассказали, наша юность прошла неинтересно, – сказал Густав.

– Ну, а на службе?

– Служба наша тоже монотонная, – отозвался Роман, – Не о чем рассказывать, ходишь по одной дорожке взад-вперед. От этой ходьбы голова кружится. А вот мы с Густавом хотим вам что-то предложить.

– Пожалуйста, предлагайте, мы послушаем, – оживилась пани Агата.

– Вчера наши солдаты ходили в лес и говорят, там такая красота, столько грибов, хоть косою коси. И мы оба подумали, а что, если бы мы все поехали в лес?

– Как все? Девочки, я и Павлина? Вы так сказали? – уточнила пани Агата.

– Да, вот именно. Всем семейством, и на целый день.

– Да, это хорошо, очень интересно, что-то вроде маленького пикника. Но там ведь звери, а женщины боятся зверей, – обеспокоилась пани Павлина.

– О, пани, с такими солдатами, как мы, вам нечего бояться. – отозвался Густав.

– Ну, что вы на это скажете, девочки? – спросила пани Агата.

Девушки запрыгали, заплясали.

– Тетенька, милая, да это же очень хорошо! Правда, Зося? – воскликнула Янина.

– Ты еще спрашиваешь! Конечно, хорошо. Мы поедем на наших лошадях верхом, а тетя и мамочка в телеге. Заедем в лес далеко-далеко, где мы еще не были. Да, в таком случае присядем, посоветуемся, что мы с собой возьмем, – возбужденно заговорила Зося.

– Ничего такого особенного брать не надо, – сказал Роман.

– А что же будем есть, сырые грибы? – спросила Зося.

– Нет, зачем есть сырые. Вы посмотрите, как устраиваются военные в дороге. В лесу есть дичь, в реке рыба. Возьмем большую кастрюлю, сковороду, немножко любой крупы, соль, хлеб, немножко постного масла, несколько тарелок, нож. И пикник получится богатейший. Да, что я еще забыл сказать, если у вас есть холсты, возьмем и сделаем палатки, а если нет, сделаем из веток. Это на случай дождя, – продолжил Роман.

– Хорошо, пойду к пану Бондарыку и спрошу, имеются ли у него холсты, а вы уж, девочки, развлекайте гостей, – сказала пани Агата.

– Хорошо, тетя, постараемся, – ответила Янина.

– Я предлагаю пойти в сад. Хорошо? – предложила Зося и первая направилась к выходу. Все последовали за ней.

– Я, например, с удовольствием посмотрю ваш сад. Мы с Густавом знаем только несколько кустов злополучной смородины, где я с вами так нелепо пошутил, за что попал к вам в немилость, кажется, навсегда. Не так ли, панна Янина? – спросил Роман, с тревогой и нежностью глядя на Янину.

Янина чуть порозовела, потом быстрым взглядом окинула Романа, и порывисто ответила вопросом:

– А как, в такой ситуации, я должна была поступить?

– Да, это верно, я на вашем месте поступил бы также. Но, не пора ли меня уже простить? Разве такой уж смертельный грех я учинил? Панна Янина, как мне искупить свою ошибку? – смущаясь, проговорил Роман и во время этого разговора, взяв руку Янины, трижды поцеловал и прижал к груди, глядя ей в глаза и дожидаясь ответа.

Осторожно освобождая руку, Янина, наконец, ответила:

– Пан Роман, я уже давно об этом забыла, ведь это была смешная шутка. Мы с Зосей посмеялись и давно забыли.

– Говорите, забыли, а все-таки простить не можете, – заметил Роман.

– Да нет же, нет, – уверила Янина.

– Если так, то подарите мне что-нибудь в знак прощения, – попросил Роман.

– Что же вам подарить? У меня ничего такого нет, а кольца вам дать не могу, – отбивалась Янина.

– Почему же кольца не можете подарить? Слишком дорогая вещь? – настаивал Роман.

– Нет, не в ценности заключается подарок, а в том, что кольцо, говорят, символический подарок, – пояснила Янина.

– Вот как! Первый раз слышу. Тогда сорвите незабудку своей рукой и подарите мне, я буду её всегда носить. Говорят, незабудка символ надежды и долгой памяти. А вдруг она когда-то счастье принесет, – мечтательно произнес Роман.

– Дай бог вам счастья, пан Роман. Желаю от души. Вот вам два стебелька, чтобы вы нашли достойную подругу и были счастливы всю жизнь.

– За пожелание спасибо, а подруги у меня не будет.

– Решили пожизненно остаться на военной службе?

– Нет-нет. Нам с Густавом уже давно надоела военщина. Через год мы демобилизуемся.

– А потом, что будете делать? Вернетесь домой, отремонтируете ваш домишко, поженились, и будете счастливо жить?

– Нет, панна Янина, домой я не вернусь, потому, что его у меня нет.

– Тогда будете жить у вашей будущей жены? Ведь многие так живут, – невольно подсказала Янина.

– Нет, панна Янина, я никогда не женюсь, потому что, кого я люблю, тот меня не хочет, а других не хочу я.

– Почему же вы такой принципиальный?

– Это не принцип уважения, панна Янина, а веление сердца.

Кто знает, до чего бы они договорились, если бы им не помешал Густав. Зося, как могла, придерживала его возле себя, из сил выбивалась, но он ее почти не слушал, отвечал невпопад, потому, что все его внимание было обращено на идущих сзади. Он то оглядывался, то прислушивался к их разговору, и временами подпрыгивал, услышав, о чем они говорят. Наконец, не выдержал, и оставив Зосю, догнал Янину и Романа. Покраснев от злости, он сквозь зубы сказал:

– Вы полагаете, если мы будем идти черепашьим шагом, то хоть к вечеру увидим этот сад?

– Не увидим, так не увидим. Приедем ещё раз и посмотрим, – ответил Роман.

– Господа, вы спорите? Что это значит? Если причиной оказались мы с Зосей, тогда до свидания. Пошли, Зося.

– Яня, не пойдем. Пан Густав и пан Роман при нас поспорили и пусть при нас помиряются. Тогда я спокойно уйду.

Густав опомнился и попросил у девушек прощения.

– Какая вы, пани Зося, умница. Вы боялись, что когда уйдете, мальчики подерутся? Извините, я немного вспылал. И ты, Роман, извини, я что-то сегодня раздражен.

– Тебя, наверно, утром бешеная муха укусила. Да, Густав?

– Может, и так.

– Вы на реке были? Река у нас довольно далеко.

– Разве это далеко? А вода чистая, прозрачная, видно, как рыба плавает, дно каменистое, я с таким наслаждением искупался.

– А, это вы были, наверно, у брода. А крепость издали видели?

– Конечно, видел. А что это за призраки в крепости живут? Помните, панна Зося, вы тогда вспоминали? Расскажите, пожалуйста. Я люблю всякие легенды слушать.

– Я многого не знаю. Вот если бы дедушка мой рассказал, он много знает. Он вообще эту местность знает хорошо, все уголочки.

– А если бы он с нами завтра на пикник поехал, как вы думаете, он согласится?

– Ой, это же прекрасно. Давай, Зося, поедem к нему и спросим.

– А если мы с вами поедem, он не испугается?

– Конечно, нет. Я знаю, дед будет рад. Ведь он тоже был когда-то солдатом. После обеда поедem.

В саду на другой аллейке показался мальчик. Когда он увидел, что его заметили, помахал рукой, призывая к себе. Но, Зося громко позвала его к себе:

– Стасик, Стасик! Иди сюда.

Мальчик прибежал и, глядя во все глаза на военных, сказал девушкам, теребя в руках свою старую фуражку:

– Пани сказала, чтобы барышни шли домой. До обеда осталось два часа, и надо приготовить стол.

– И что еще сказала? – спросил Роман.

– Да ничего такого. Я только слышал, как она говорила пани Вишневской; «И чего они лазают в этом саду до сих пор? Можно уже в Варшаву сходить и вернуться».

Все засмеялись, а Роман стал его выпрашивать:

– А что пани еще сказала?

– А я больше не скажу, что она говорила.

– Почему же, почему? Скажи, Стасик.

– Не скажу потому, что вы все смеетесь.

– А если я тебе дам пять грошей, скажешь? – настаивал Роман.

Мальчик посмотрел на монету, поднял вверх брови, и с пренебрежением сказал:

– Пхи, какая невидаль, пять грошей. Панна Янина иногда дает мне целый злотый.

– О, какой ты дорогой! В таком случае и я дам тебе злотый.

Мальчик pokrutil головой и сказал:

– Теперь уже и злотый не поможет. До свидания, меня ждут.

И мальчик убежал, только пятки мелькнули в траве.

– Резонный парень. Чей он? – спросил Роман.

– Одного из наших конюхов. Мальчик действительно смекалистый, я его часто посылаю куда-нибудь.

Уже третий день пограничники гостили в поместье Раевских. Был четверг. Два предыдущих дня Роман Зарыцкий был молчалив. Всё это время говорил за обоих Густав. Зато сегодня Роман был оживлен и разговорчив, за столом ухаживал за дамами, много шутил. Янина с интересом смотрела на него, старалась понять, отчего он так переменялся.

Зато Густав буквально выходил из себя. Не в силах скрыть злобы, он то покусывал губы, то хрустел пальцами. За столом крутился на стуле, ерзал туда-сюда. Даже пани Агата обратила внимание. Когда кончился обед, Густав, сославшись на головную боль, ушел. После его ухода пани Агата спросила:

– Что с паном Густавом, он болен? Вы не знаете, пан Роман?

– Не знаю, пани, он с самого утра психует. Наверно, на левую ногу встал. А может его змея ужалила. Но вы не беспокойтесь, пани, с нами, людьми, всякое бывает.

– Пан Роман, вы это серьезно говорите? Змея укусила пана Густава, или вы шутите? – пани Агата с вытаращенными глазами смотрела поочередно то на офицера, то на девушек, которые давились от смеха, стараясь скрыть это от тетки.

– Уважаемая пани, не беспокойтесь, я, конечно, пошутил. А Густав не больной, он здоров, как вол. И голова его совсем не болит. Просто хандрит с самого утра.

– Но, какая-то причина есть, что он нервничает? Вы, наверно, знаете, а не знаете, спросите, – обеспокоилась пани Агата.

– Я его уже спрашивал. Так он на меня бросился, как тигр, чуть на куски не растерзал. Так, что больше я к нему не пойду.

– Да, вы правы. Я сама его спрошу, когда он придет на ужин. Бедный мальчик, что-то его мучает. Да, девочки, позаботьтесь о нем, развлеките его, – сокрушалась пани Агата.

– И не подумайте. Еще чего. Буду я капризных солдат развлекать, – сказала Зося, когда пани Агата вышла из комнаты.

– Зося, а что случилось? Злость пана Густава на тебя перешла? – спросила Янина.

– А может, Густав вас чем-то обидел? – добавил Роман.

– Нет, меня лично он не очень обидел. Но своим поведением, мне кажется, он всех обидел. И развлекать его, я не намерена.

– Да, сегодня день недоразумений. Один вы, пан Роман, вопреки всему, веселый. Чем это объяснить? – спросила Янина.

– Вы дали мне веселье.

– Я?!

– Да, вы мне сердце согрели своей рукой, и оно радуется.

– А разве я вам напрашивалась?

– К сожалению, нет. Я сам эту лечебную руку себе на грудь положил, и это было хорошо. А вот если бы она сама, по своей воле, легла, я был бы по-настоящему в раю. Панна Янина, сделайте меня счастливым, – попросил Роман.

– Этого я не могу.

– Почему?

– А разве можно сразу двоих любить?

– А вы уже кого-то любите?

– Кажется, да.

– О! Если это тот, о ком думаю, поверьте, не надо. Вы крепко потом пожалеете, – с грустью в голосе сказал Роман.

– Может, и пожалею, – рассеяно, словно сама себе, ответила Янина, немного помолчала, но тут же улыбнулась, – Извините, пан Роман, мне пора.

– А можно мне вам помочь? – предложил вдруг Роман ей и вошедшей к ним Зосе.

– По хозяйству? – рассмеялась девушки.

– Можно и по хозяйству. Солдат не тот пан, что только языком. Он много чего может руками: и убраться, и постирать, и обед приготовить... И даже детей нянчить, – смеясь, добавил он после паузы, – Этому его жена быстро научит, если, конечно, она у него будет.

– Ну, если солдат такой всезнающий, вот вам хлебница, хлеб, доска и нож. Ну, что, управитесь? – спросила Янина.

– Что за вопрос, конечно! Только для этого дела голову надо повязать косынкой и передник надеть. Найдется у вас? – спросил Роман.

– Конечно, сейчас я вам принесу, – сказала Зося и умчалась.

Прибежав в кухню, она попросила у матери косынку, и не дождавшись разрешения, сама сняла у неё с головы, а чистый передник вынула из шкафа.

– Ты чего так спешишь? К обеду еще целый час. Не бегай так, а то опрокинешь ведра. И зачем тебе понадобился передник?

– Ой, мама, это пан Роман попросил. Он нам помогает. И говорит, что нехорошо так к хлебу приступать.

– Так это ты ему несешь?

– Да, мамочка, ему. Ой, мама, если бы ты знала, какой он интересный, а Янка, дура, его не любит. Ты понимаешь, полюбила этого рыжего. Ну, что ты ей скажешь.

– Видишь ли, Зося, кому что нравится. На вкус и цвет товарища нет. Ну, иди-иди, а я через минуту приду и посмотрю, каков он за женской работой.

Когда Зося ушла в кухню, к окну подошел солдат, держа в руке красивый, весь в цветах, платок. Окно было открыто, и отсалютовав всем воинским приветствием, он сказал, обратившись к офицеру:

– Пан капитан, солдат Бренчик ходил без вашего разрешения в село, и там взял этот платок. А за ним вслед прибежала молодая женщина и попросила отдать ей её вещь. А тот стал дразнить её и требовать: «Полюби меня, тогда отдам».

– Шельма какая, – негромко сказал капитан и добавил, – А ты, Антось, пойдди к пану поручику.

– Я к нему ходил, пан капитан. Так он еле выслушал, а потом, как закричит: «Зачем мне ваши бабы?!» Я стал настаивать, а он еще хуже стал кричать, и сказал, чтоб я шел ко всем лучшим, а лучше к капитану, потому что ему все равно делать нечего, ходит, как тюфяк, и только девушкам голову морочит.

Роман извинился и ушел вместе с солдатом. Через минуту вошла Зося с матерью.

– А где же пан Роман, Яня? – спросила Зося.

– Его позвали, там солдаты что-то натворили, а Густав до сих пор не может успокоиться, сидит в своей комнате и психует.

– И ты такого психа полюбила, Яня? Мама, растолкуй ей, что этот человек нехороший.

– Чего мне толковать, человек даром волноваться не будет. И оставь меня, Зося, в покое, он мне нравится, и баста, – отрезала Янина.

Женщины ушли, мать в кухню, дочь – в свою комнату. Янина сидела мрачная на диване и размышляла. Её мысли были нехорошие, она думала: «И с чего это Зося всё время нападает на Густава? Конечно, она очень любит Романа, а он её нет. Вот она и думает, что я выйду за него замуж, а она как-нибудь подберётся к нему и будет тайно, за моей спиной, крутить всякие козни. Нет, голубка, я этого не допущу. Назло тебе выйду замуж за Густава, а ты бегай, на здоровье, за Романом».

Обед прошел довольно скучно. Пани Агаты не было, она куда-то уехала. На её место пришла Павлина, но она и Зося лишь молчали. Только Янина притворилась веселой и была очень внимательна к Густаву, отчего тот повеселел, и мнимую головную боль, как рукой сняло. Роман тоже молчал, лишь внимательно наблюдал за поведением Густава и Янины. Он еще не терял надежды.

Ужин прошел на скорую руку. Пани Агата приказала ложиться спать рано, чтобы утром с восходом солнца уже быть за воротами. Роман сейчас же ушел. Густав еще немного посидел, успев наговорить много нехорошего о Романи, и тоже ушел, но теперь в приподнятом настроении.

Уже вечером у офицеров завязался спор, после которого Роман еще долго сидел на скамейке под своей временной квартирой и прикладывал листья подорожника к разбитой щеке. Возле него сидел его денщик, совсем молодой парень, доставляя ему лечебную траву. Ночной сторож отбил двенадцатый час.

– Марек, иди спать, мне уже легче.

– Нет, пан капитан, а вдруг вам будет плохо. Я завтра выплюсь, ведь мне нечего делать, спи хоть до самого вечера.

– Нет-нет, мой добрый мальчик, иди, завтра ты спать не будешь, мы поедем в лес. Ты что, забыл?

– Нет, пан капитан, я не забыл. Но разве вы сможете поехать? Ведь у вас весь глаз затёк. Я знаю, у вас завтра голова будет крепко болеть.

– Нет-нет, мне уже лучше. Правда вид-то совсем непривлекательный, но ты мне сделаешь повязку. Все равно мне не перед кем франтить. А лес я хочу посмотреть. Может, мы с тобой когда-нибудь приедем сюда на охоту.

– Вы говорите, не перед кем франтить, а барышни? Обе такие красивые.

– Эти барышни не для меня, Марек. Иди, мой хороший мальчик, спи, а если надо будет, я тебя позову.

– Хорошо, только позовите. Спокойной ночи.

Роман не мог спать, все-таки боль в щеке донимала. Он поднялся и стал прохаживаться, сначала в своем дворике, потом так, невзначай, зашел в сад.

В саду сел на скамейку и предался воспоминаниям. Картина за картиной представляли перед его мысленным взором унылое прошлое: детство, юность, жизнь с Густавом, отец Густава, вечно пьяный, и сам Густав, надоедавший ему на правах хозяина своего дома. Лет шестнадцати Роман сбежал в армию добровольцем. Сначала его гнали, потом, узнав, что он сирота, послали в военную школу. Через год, он помог и Густаву поступить в эту школу. Из школы они оба вышли поручиками, но Романа уже на службе произвели в капитаны за отвагу и находчивость. Он тогда спас село от неизбежного пожара, поймав врага, перешедшего границу с целью поджога. Густав завидовал Роману во всем, особенно его успехам у женщин. Вот только сам Роман до сих пор не обращал на них внимания. Янина Раевская стала его первой любовью, и, скорее всего, будет последней, потому что он был однолюбом.

Ночь была полнолунной и такой тихой, что, казалось, ни один листочек, ни одна травинка не шелохнется. Лишь соловей заливался без умолку, понапрасну тревожа молодую душу капитана. Когда до рассвета осталось часа два, Роман встал, огляделся, словно кого-то ждал, потом, обнаружив в траве незабудки, собрал маленький букетик и пошел с ним в сторону своей временной квартиры. Проходя рядом с господским домом, вдруг увидел открытое окно. Он подошел и стал всматриваться вглубь комнаты, залитой лунным светом. Через минуту-другую Роман уже отчетливо видел все предметы и спящих девушек. Не смог только различить, кто из них где спит. Он положил букетик незабудок на внутренний подоконник и оторвав кусочек штукатурки нацарапал на подоконнике: «Тебе, моя возлюбленная. Р.»

Под утро Зося проснулась от какого-то крика. И лишь когда окончательно проснулась, увидела, что Янина машет руками и жутко кричит сдавленным голосом.

– Яня, Яня, проснись, Яня, что с тобой? Ты вся дрожишь. Что, за тобой волки гнались или змея душила?

– Ой, Зося, ты не можешь себе представить, какой кошмар я видела.

Янина вся еще дрожала от увиденного ею во сне. Зося успокаивала подругу, ощущая в душе какую-то неясную тревогу.

– Расскажи, легче будет, и одевайся. Видишь, на небе уже розово, скоро поедем в лес.

– Я боюсь ехать после этого сна.

– Какая чепуха, сон развеется, а ехать надо, раз договорились. Ну, одевайся и говори, что тебя так испугало.

– Вот слушай. Снится, что едем мы в лес, как вчера говорили. На лошадях все едем, а Густава нет. Я спрашиваю, где пан Густав? И не знаю, кто мне ответил: «Он уже давно в лесу, вас ждет. Наверно, свежий букет для вас собирает». Мы уже в лесу, я такая довольная, отъезжаю от вас, направляю своего коня в заросли и все оглядываюсь, чтобы за мной никто не ехал. Хочу встретить Густава без свидетелей. Ищу-ищу, а его все нет. Тогда я поехала в черный лес,

кустов уже нет, только большие деревья. И не то, что большие, а просто громадные, в четыре обхвата.

– Ого, здорово! – удивилась Зося, – И что дальше? Не тяни, а то скоро тетя прибежит.

– Ну, еду-еду, а там полумрак и вижу, кто-то высокий, ну прямо, как жердь, тоненький-тоненький, сидит на лошади и мне улыбается. Голова и лицо тоже длинные, как у лошади, и зубы лошадиные. Сам рыжий, как огонь, страшный-страшный, и очень похож на Густава. Я от ужаса окаменела, так верхом сижу, и ни с места. Он скалил-скалил зубы, а потом стал уменьшаться, и вместе с лошадыю перевоплотился в громадного рыжего тигра. И пока соображала, что мне делать, тигр-оборотень на меня прыгнул И стал грызть мою глотку.

– Но-но. Вот это сон. Он, наверно, твой Густав, и есть ужасный тигр.

– Ты, Зося, глупости говоришь. Я, например, этот сон разгадываю иначе.

– Как же ты его разгадываешь? Что Густав ангелочек, да?

– Не ангелочек, но он хороший, и потому плохо снится. Всегда сон надо понимать наоборот.

В дверь постучала пани Агата:

– Девочки, я слышу, вы уже встали. Идите в столовую, Павлина даст вам молока, и выходите во двор, там уже телеги запряженные нас ждут.

– Зося, ты уже оделась? Да? Тогда закрой окно, чтобы ветер рамами не хлопал. Ну, что ты стоишь у окна, как вкопанная? Ты слышала, что нас уже ждут?

– Яня, иди посмотри.

– На что смотреть? Некогда, завтра посмотрим.

– Нет, ты сейчас посмотри и догадайся, кому. Иди скорее, пока никто не вошел.

Янина подошла, густой румянец залил её щеки. Она поняла, что это Роман подарил ей букет, ведь он вчера дарил ей незабудки.

– Зося, когда же он их тут положил? Он мог это сделать только ночью.

– Конечно же, ночью. Ах, бедный Роман, как он томится, а она увлекается этим рыжим тигром. Вот не знал, глупец, куда ему свою голову приткнуть. Ну, пошли, наконец, баба Яга, а не Янина.

Янина положила букет на этажерку и пошла в столовую.

Глава 4. Пикник

Когда приехали в лес, солнце уже поднялось на три жерди, как говорят в народе. Густав с солдатами и паном Бондарыком разбивали палатки на большой поляне недалеко от реки. Еще роса серебрилась на травах, в долинах стоял туман, а горы уже покрылись румянцем восходящего солнца. Птицы еще не улетели в поисках пищи и порхали с ветки на ветку, приглядываясь к необычным гостям. Только аист важно шагал по мокрым зарослям, отыскивая сонную лягушку. Телега с тетей Агатой и Полиной остановилась возле палаток, а девушки, не слезая с лошадей, задержались возле большого роскошного дуба и залюбовались живой картиной мира.

– Смотри, Зося, как интересно, телегу с тетей и мамочкой еле видно, а солдаты движутся, как призраки, даже голоса приглушенные. А деревья, сплошная масса, только верхушки гор отчетливо видно. Какой красивый пейзаж, правда? – восхищалась Янина.

– А где же наши рыцари? Что-то я их не вижу, наверно, туман скрыл. А вот кто-то к нам идет. Кто же это? А, уже узнала, это твой тигр мчится.

– Доброе утро, барышни. Так рано встали? Кто же вас разбудил? А не хотелось вставать, правда? – улыбаясь, приветствовал Густав.

– Мы привыкли вставать по утрам, ведь живем в селе, а не в городе. А вот и туман поднимается, и людей стало лучше видно. Смотри, Яня, вон там, на горе, что-то движется.

– Это горные козлы, – приложив руку к козырьку, чуть погодя сказал Густав.

– Да-да, теперь вижу. Давай, Яня, отойдем вот к этой елке. А теперь, пан Густав, идите и спрячьтесь за тем дубом, где мы только что стояли. Вот так, пока вас не будет видно. Так-так, хорошо.

– А что дальше делать? – спросил Густав.

– А теперь присядьте, откройте рот так, чтобы были видны все зубы, сделайте большие глаза, растопырьте пальцы, и так, пригнувшись, высовывайтесь помаленьку из-за дерева.

Густав спрятался за дерево и медленно стал высовываться, вытаращив глаза и зубы. Конечно же, вид у него был жуткий. Янина вздрогнула, увидев такое чудище, а Зося прилегла на своей лошади от смеха. Янина, опомнившись от неприятного впечатления, тихо сказала Зосе:

– А ты, Зоська, злорадная. Зачем ты это подстроила, зачем потешаешься над человеком? Если он тебе не нравится, можешь даже с ним не разговаривать.

– Яня, я это все устроила по твоему сну. Но, все-таки он и вправду похож то на тигра, то на чудище. Правда, Яня?

– Злюка, не хочу больше с тобой разговаривать.

– Ну, если так, я поехала дальше. Адью, милая сестрица и страшный тигр.

Зося, все еще хохоча, ускакала, оставив влюбленных в покое.

– Что, испугались? Я был очень страшный? – приближаясь, спросил Густав.

– Да, конечно. Если бы была одна в лесу, наверно, очень испугалась. Это Зоська придумала такую фантазию.

– Да пусть забавляется, она очень милая девушка, – сказал Густав и, взяв руку Янины, стал её целовать и прикладывать к лицу, согревая, потому, что рука была очень холодной.

Девушка попыталась высвободить руку, но Густав не отпускал, приговаривая:

– Какие холодные, не забирайте их, я согрею. О, какие маленькие хорошенькие милые ручки. Вот так держал бы их всю жизнь. Панна Янина, есть хотя бы маленькая надежда, что эти ручки будут моими? Скажите, дорогая Янина, есть надежда?

– Может быть, пока не знаю.

– Спасибо вам и за это.

– За что, за неизвестность?

– За не совсем категорический отказ. Я чувствую в вашем ответе искру надежды и буду надеяться.

Янина, наконец, освободила руки и, чтобы переменить тему, повернула лошадь и стала смотреть на дорогу.

– Куда вы так смотрите?

– Смотрю, не едет ли пан Роман. Может, с ним что-то случилось?

– Да-а-а, вполне может и не приехать.

– Что случилось, пан Густав? Может, вам надо вернуться, он заболел?

– Да, как вам сказать, и не больной, и не здоровый, а просто вид у него стал непривлекательный, и наверно, стесняется показываться в таком виде. На его месте я бы тоже не явился.

– Пан Густав, если можно, скажите, что случилось с паном Романом?

– Знаете, как-то нехорошо за глаза говорить плохо о своем брате, хотя какой он мне брат. Так, просто свои, да и вместе росли.

– Я об этом уже знаю. Но, что сегодня случилось?

– Знаете, вчера вечером Роман совсем не ложился спать. Я его спрашиваю: «Почему не спишь? Ведь завтра чуть свет мы обещали быть в лесу». А он отвечает: «Тебе хочется спать, так спи, а я не хочу». И пошел во двор, посвистывая, покрутился туда-сюда, а потом велел своему денщику оседлать коня и куда-то ускакал. Под утро я проснулся от какой-то суеты в комнате. Смотрю, а это Роман сидит на стуле и стонет, а денщик его прикладывает ему к щеке широколистную траву. Спрашиваю, что случилось? А он не отвечает. Спрашиваю вторично. А он мне, спишь, так спи. Выхожу в коридор и спрашиваю своего денщика, не знает ли, что случилось с нашим капитаном, а он отвечает: «А что может случиться с молодым казаком? Наверно, ездил в село к какой-то девушке, и хлопцы побили, не иначе. Только так».

Янина слушала внимательно, и вся вспыхнула от негодования, но промолчала, ни слова не проронила. Густав исподтишка наблюдал за Яниной и думал, подействовала ли его клевета на девушку? Конечно же, остался доволен, яд подействовал.

– Я его понимаю, молодой, хочет повеселиться, но можно подождать, пока не уедем из порядочного дома. А вообще-то я не знаю, что он в дальнейшем думает делать, ведь у него есть сын, – вкрадчиво продолжил Густав.

– Сын? Что пан Роман женат?

– И да, и нет.

Дальше разговор был прерван. Прибежал солдат и позвал Густава:

– Пан капитан, вас просит пан Бондарык.

– Иду. Вам помочь сойти с коня, панна Янина?

– Нет-нет, идите, я сама.

Густав убежал, Янина соскочила с лошади и подозвав солдата, который еще не ушел, попросила:

– Будьте добры, расседлайте моего коня, стреножьте и отведите к лошадям, пусть пасется.

– Слушаю, барышня, будет сделано.

Отдав Янине воинское приветствие, солдат увел лошадь, а Янина села под елкой в тени и предалась размышлениям, она думала: «Вот как получается, а я чуть не влюбилась в Романа. А вдруг я его уже люблю, только мне не хотелось об этом никому говорить, даже Зосе, хотя та мне говорила: „Люби его, Яня“. Но я-то знаю, как тяжело, если ты чего хочешь, а это у тебя отнимают. Думала, что Зосе надоест за ним гоняться, она от него отстанет, и тогда я скажу ему о своей симпатии. Как хорошо, что Густав рассказал мне про проделки Романа. Вот было бы красиво. Допустим я вышла за него замуж, живу веселая, счастливая, а в один прекрасный день является женщина с ребенком. Ребенок говорит Роману: „Папочка-папочка, где ты был до сих пор? Мы тебя ищем-ищем, а ты здесь. Папа, пойдем домой“. Бр-р-р, какой ужас! А все-

таки нехорошо со стороны Густава выдавать секреты брата, но зато мне теперь все известно. Да еще вчерашний поступок. Куда же это годится, всю ночь гулял в селе, а под утро положил мне незабудки на подоконник. Фу, какой донжуан. Интересно, придет к нам в лес, или завалился и будет спать, как медведь в берлоге. Да-а, я была лучшего мнения о нем. А все-таки стало грустно на сердце. И почему люди так плохо поступают? Посмотришь, кажется умный, правдивый, а когда узнаешь, оказывается, что под красивой оболочкой настоящая ерунда. А вчера утром, когда он положил мою руку себе на грудь, как же мне было приятно, так захотелось его поцеловать. Я тогда отняла руку, а так бы и держала её, но испугалась, чтобы он не подумал обо мне плохо. А глаза какие у него были, такие добрые, ласковые и такие красивые. Как люди могут так лицемерить? Поразительно».

Янина так увлеклась своими думами, что не заметила, когда пришел солдат. Он стоял добрую минуту, пока она его, наконец, заметила.

– Ой, как вы меня напугали, Вы что-то хотите мне сказать?

– Извините, барышня, я не хотел вас пугать. Я думал, вы меня заметили когда я к вам подходил.

– Ничего-ничего, вы не виноваты я задумалась и потому вас не заметила. А что вы хотели мне сказать?

– Меня за вами прислала ваша тетя, мы уже сели завтракать, а вас все нет. Вот я и пришел пригласить вас на завтрак.

– Иду. Подождите, пойдем вместе. А разве все уже собрались? Пан капитан тоже есть? А дедушка из села приехал?

– Нет их почему-то обоих.

И они направились к собравшимся. Янина подошла к тетке.

– Наконец-то, пришла. Нужно было человека посылать за ней. Кричу-кричу, машу рукой, а она сидит, как слепая и глухая. Что с тобой? Не выспалась, дремала? – ворчала тетка.

– Хватит, тетя, я уже пришла, не кричите, люди испугаются, – урезонивала она тетку.

– Как тут не кричать? Сначала Зося еле отыскала в лесу, а потом и тебя надо было будить, – недовольно причитала тетка.

– Тетя, но мы уже есть, и все в порядке. А теперь говори, что надо делать.

– Бери корзину с пирожками, а ты, Зося, кувшин со сметаной, тарелки, ложки и раздайте солдатам, они уже сидят и ждут.

– А по сколько им давать?

– Возле каждого положи по три пирога и налей две разливные ложки сметаны, одна тарелка на четверых. Ты знаешь, как это делать. Не раз работникам раздавала обед, – распорядилась пани Агата.

Девушки пошли исполнять приказания тетки. Но, надо сказать, что молодежь всегда молодежь, к какому бы классу она ни принадлежала. Солдаты расположились чуть подалее от главного лагеря. И вот, когда девушки несли им завтрак, один из солдат так засмотрелся на них, что забыл подобрать ноги. Зося тоже не глядела под ноги. Конечно же, она споткнулась о ноги солдата и пробежала вперед несколько шагов, стараясь не упасть. Она бы и упала, но один из солдат мгновенно вскочил и подхватил ее, не дав оконфузиться перед молодёжью, и без того настолько обрадованной пикантным зрелищем, что уже не сдерживала смеха. Сначала Зося покраснела от стыда, а потом и сама залилась звонким смехом, присев на траву, и поставила, наконец, кувшин со сметаной на землю. Янина сначала держалась серьезно, как подобает молодой хозяйке, но смех был так заразителен, что тоже не выдержала и рассмеялась от души. Ну, и как тут было не смеяться, когда солдат, спасший Зося от позорного падения, приговаривал, чуть шутя, чуть серьезно:

– Эх, ты Франек, растяпа, растянул свои ноги-лапти, а если бы я барышню не подхватил, она бы, конечно, упала, и вылила сметану на твою глупую голову. И во что мы тогда макали пирожки? Пришлось бы тогда тебя лизать. А на тебя посмотреть, и так уже тошнит.

Солдат стал по стойке смирно и извинялся перед девушкой:

– Простите, барышня, виноват.

– Да ладно-ладно, Франек, что тут такого. Я больше виновата, что не смотрела под ноги. Садитесь, пожалуйста, и кушай на здоровье, а вам спасибо, что не дали мне упасть, а то были бы пироги без сметаны.

Франек был очень доволен, что девушка, не гордясь, заговорила с ним, и в благодарность после ужина сплел гамак и привязал его, согнув несколько гибких, молодых деревьев. Гамак получился замечательным, и все по очереди качались на нем. Даже солидная тетя Агата и мама Павлина немного покачались и похвалили рукодельного Франека. Завтрак уже кончался, когда все увидели вдали, на лесной опушке, медленно приближающуюся телегу, а за телегой всадника на вороном коне.

Во всаднике солдаты сразу узнали своего капитана, побежали ему навстречу и, быстро построившись в шеренгу, приветствовали его;

– Здравия желаем, пан капитан! Доброе утро!

– Вольно! Доброе утро. О, я вижу, все в сборе.

– Так точно, пан капитан! Мы все тут, хозяева тоже, и мы уже как раз позавтракали. Пироги нам подавали вкусные-превкусные, а сметана была необыкновенная. О, если бы вы знали, кто нам её подавал! – отрапортовал Франек.

– Хватит тебе рапортовать, Франек.

– Пан капитан, а что с вами случилось? Почему повязка на глазу, и лицо припухло? Вас кто-то обидел? – спросил кто-то из солдат.

Все дружно подхватили этот вопрос и наперебой закричали:

– Пан капитан, скажите, кто обидел? Мы его разнесем на кусочки, где он, скажите.

– Тише, не шумите, я сам виноват. Ночью гулял в саду и наткнулся на дерево, на котором выступал сук. Вот на него и напоролся. Но это пустяки, хорошо, что глаз остался. Вот посмотрите, какой он, мой глаз. Уже немного вижу, а ночью совсем не видел. Спасибо дедушке Матвею, он мне его спас, – успокаивал Роман солдат.

Роман поднял повязку, и солдаты заохали, по очереди заглядывая и комментируя увиденное.

– Ой, какой красный, зрачок еле виден. Пан капитан, надо немедленно найти врача, глаз – это не шутка.

– Не надо, самое страшное уже прошло. Вот мой доктор. Лучше познакомьтесь с дедушкой Матвеем. Это небывалый сказочник. Он нам сегодня расскажет силу силенную всякой всячины. Любите и уважайте его, как меня, и я буду очень рад.

Солдатам много говорить не надо, раз капитан сказал, значит, этот человек чего-то стоит. Не успел дед опомниться, его с триумфом и криками «Дедулю-сказочника несем» усадили на домотканое одеяло, которым было прикрыто сено на телеге, принесли в центр лагеря и бережно опустили на широкий пенёк. Встречу с капитаном и дедом Матвеем было видно и слышно во всем лагере. Когда Роман подошел ближе и поздоровался с остальными, его опять засыпали вопросами, что и как случилось с глазом. И Роман повторил всё, что рассказал солдатам. Тетя Агата и Павлина, а в особенности Зося, решили завтра же найти этот подлый сук и обязательно его спилить, чтобы он людям не вышибал глаза.

Во время сочувственных разговоров, наши молодые люди, два кавалера и две девушки, скрестили взгляды, и каждый из них подумал свое. Их мысли были схожими, хотя каждый из них думал по-иному.

Янина думала: «Вот лжец, гулял всю ночь в селе, хлопцы сельские чуть глаз не вышибли за какую-то красавицу, а он все на несуществующий сук сваливает. Завтра две бабы, тетка и мамочка будут бегать с пилой по саду и искать того, чего нет. А он будет стоять и улыбаться, радоваться, что о нем так волнуются, Дон-Жуан паршивый. А все-таки как ему красиво в этой повязке. А если ему дать на голову белую с темно-красной кайму чалму, был бы турок-красавец. Ну, что ж, если он Дон-Жуан, волокита».

Зоя думала: «Бедный Роман, всю ночь простоял у окна Янки. Если её не увидит, хоть подышит тем воздухом, что она дышит. Как он сейчас на нее смотрит, а она стоит, как статуя и никакого сочувствия. Ведьма. Хорошо, что дедушка побеспокоился. И с таким глазом все-таки приехал. И спросите, зачем приехал? На ведьму посмотреть».

Густав думал: «Интересно, сказал Роман, кто ему глаз подбил, или нет. Хотя бы тут не рассказывал всем, а где-нибудь в сторонке, одной Янке. Но я этого не допущу, я их наедине не оставляю, буду за ними ходить, как тень. Ну, Густав, выиграл ты, или проиграл? Роман задавака с гонором, не захочет сказать, что мы дрались. А жалко, что я ему глазик не выдавил, меньше бы девки за ним бегали».

Мысли Романа: «Яночка, видела ли ты незабудки на твоём окне? Ты поняла, что я тебе через них сказал? Но, ты сегодня какая-то не такая, как вчера. А может, мне так кажется? Может, ты стесняешься спросить о моем здоровье? Яночка, полюби меня, я буду верен тебе, как пес».

Но тут тетя Агата позвала Романа:

– Пан Роман, прошу к нашему столу.

Пока дед Матвей, Роман и его денщик Марек завтракали, солдаты отошли подальше и ждали дальнейших распоряжений. Поблагодарив за завтрак, дед Матвей, нахлобучив на голову соломенную шляпу, направился к солдатам:

– Ну, хлопчики-молодчики, теперь я вам командир. Согласны?

– Да, дедуля, согласны, а что будем делать? А может, сядете возле нас и что-то расскажете? Вы нам обещали.

– О, нет, мои дорогие, уже одиннадцатый час, пора обед готовить.

– А мы только что поели.

– Мало ли чего, а после что будете есть, если сейчас не приготовишь? Не будем долго рассуждать, беремся за дело. Шесть человек рыбу ловят, четверо чистят, четверо сухих дров принесут, трое растопят печку и поставят котел. Он там, на телеге. Четыре человека грибы чистят, двое помогают кухарке, остальные в лес за грибами. И как поймал рыбку, мало или много, неси ее чистить, а другие пока ловят. Также поступайте и с грибами. Далеко от лагеря не отходить, ходить группой, в руках иметь какое-то оружие.

– В лес я с ними пойду, – отозвался пан Бондарык, выходящий из леса.

– О, пан Бондарык, а мы думали, вы уехали домой. Вас не было все утро.

– Я вчера ездил сюда ставить коробки на рыбу, а утром, когда мы приехали, поручил хлопцам натягивать на жерди холсты, а сам ушел посмотреть коробки с рыбой и так увлекся, что не заметил, как время прошло.

– Ну и как? Рыба есть?

– Рыбы уйма, хватит на весь полк, я ее пересортировал, потому и задержался. Маленькую отпустил в воду, крупную оставил. Только чистить и в котел. Пошли, хлопцы, помогите принести.

Уху и грибы готовили по указанию деда. Он сам солил, посыпал всякими приправами и листиками, и действительно, все было очень вкусно. По приказу деда к двум часам всё было готово. Дед скомандовал, обедать и долго не тянуть.

– Я хочу к вечеру успеть и показать вам интересные места. Вон там, в глубине леса, ближе к этим горам.

– Где и как будем усаживаться?

– Думаю, нехорошо отстранятся от солдатиков.

– Дедушка Матвей, будьте сегодня хозяином до конца и рассаживайте всех по своему усмотрению. Правда? – обращаясь к офицерам, спросила тетя Агата.

– Конечно, не о чем даже и говорить – хором ответили оба офицера.

И довольный дед скомандовал:

– Так садитесь все вот так, кругом. Павлина раздает обед, девушки и два проворных хлопчика, помогают носить тарелки. Вот так. Раздали? Хорошо. приятного аппетита вам всем. Теперь и я сяду.

За обедом было весело, а началось из-за одного солдатика, который хотел другому что-то сказать и поперхнулся.

– Валерик, осторожно, а то опять подавишься. Мы все съедим, а ты только будешь смотреть, вытаращив глаза.

– А с чего это он подавился? – спросил дед.

– Валерик, рассказать?

– Расскажи, раз начал, это не преступление.

– Это было так. Мы ужинали, и вдруг «Тревога!» Все схватили оружие и побежали, а он сидит и только глазами хлопает. Кто-то забежал в столовую и крикнул: «Валерий, чего же ты сидишь?» А он ни звука, сидит и все. Комендант спрашивает: «Где же Валерий Супруньский?». А ему говорят, мол сидит в столовой и даже отвечать не хочет. Комендант злой, побежал и закричал: «Что же ты, болван, сидишь, нажраться не можешь? Сейчас враг придет и накормит тебя на том свете». А он молчит и уже слюнки по бороде пускает. Тут комендант понял, что хлопец подавился.

– И как он его спас, – спросил кто-то.

– А так, дал ему по затылку три тумака, косточка и вылетела. Да, смех смехом, но это не шутка.

– Антон, расскажи, как ты перебежчика ловил. Говори, не стесняйся.

– Лучше я расскажу, потому, что он меня ловил вместо нарушителя. В общем, была ночь, темная-претемная, хоть глаза выколи. Мы с Антоном сменили пост. Антон пошел по тропинке вправо, я – влево. Тишина гробовая, только вода чуть-чуть плещется. Я обошел свой участок, и скоро должен был встретиться с Антоном. Но, вдруг слышу, вода сильно забила о берег. Думаю, что же это может быть, рыба или нарушитель. Присел, вода снова забурилась. Тогда тихонечко пополз в кусты, сижу, прислушиваюсь. Слышу, недалеко от меня шорох. И не успел свои действия продумать, как на меня кто-то прыгнул и давай душить. Я туда-сюда, нет, думаю, мне как-то. Но, к счастью, удав заговорил. «А, гадина, не уйдешь, руки назад, или задавлю». Улучив момент, я тихо сказал: «Антон, это я, больно, пусти».

– А нарушители были или то рыба плескалась?

– О, да, были. Они уже высадились на берег и подползали к дорожке, но услышав наш разговор, побежали обратно к реке, там была их лодка.

– И что, убежали? – спросил дед.

– Нет, мы их перехватили. Фактически Антон поймал, а я ему только помогал, и то мало.

– Говори до конца, как это было, – попросил дед.

– Так вот, Антон первым добежал и не задерживаясь, прыгнул в воду и так качнул лодкой, что сразу опрокинул ее вверх дном. Один из них утонул, другого он за шиворот схватил и вытащил на берег.

– А они не оборонялись? – спросил кто-то.

– Почему же, оборонялись. Тот, что утонул, два раза Антона чем-то ударил. Но Антона, чтобы сбить с ног, надо бабахнуть пудовой гирей по голове, чтобы он сел на землю. Вы посмотрите, какой увалень, он быку шею свернет.

– Молодец, парень! – слышалось со всех сторон, а девушки даже в ладоши захлопали.

Обед закончился. Хотели уже поблагодарить, но дед приказал сидеть, а сам встал, подозвал двух парней и пошел к своей заветной телеге. Там достал маленький кедровый бочонок с медом, мешок пухленьких коржей, и опять скомандовал:

– Павлина! Раздай хлопцам коржи и положи в тарелки меда.

– Эту маёвку и обед будем вспоминать всю жизнь, а также казимировских хозяев и деда Матвея, – говорили довольные солдаты.

А на поляне были приготовлены две палатки из холста – одна для женщин, другая для мужчин: для деда Матвея, Романа, Густава и Бондарыка. Но в ней оказался только Густав. Дед отдыхал на телеге. Бондарык, по сельскому обычаю, под дедовой телегой, а солдаты должны были сделать себе шалаш из веток. Но им не хотелось заниматься пустяковой работой, и они легли в тени под большими деревьями, уверяя всех, что им так хорошо. Роман не примкнул ни к кому. Он нашел в тени под деревом пень, сел и о чем-то задумался. Но долго одному сидеть не пришлось, его увидели солдаты, моментально устроили постель из травы и пригласили капитана прилечь.

– Пан капитан, почему не идете в палатку, ведь тяжело отдыхать сидя?

– Нет, я и так отдохну, а в палатку мне не хочется.

– Так идите к нам.

– А какая разница где буду сидеть, тут или там?

– А вы у нас сидеть не будете.

– А что же я буду делать, прыгать, что ли?

– Зачем прыгать. Мы вам постель приготовили, вот смотрите.

– Ну, если так, иду.

Роману не хотелось никуда идти. Ему было тоскливо на сердце. Голова все-таки болела, но еще больше опечалила Янина. Она от него держалась подальше, только изредка поглядывала. Только Зося о нем беспокоилась, хотела хоть чем-то помочь, но он ее деликатно отстранял. Девушка поняла, и больше своим сочувствием не надоедала. Солдаты тоже поняли, что кроме глаза и головы, у капитана что-то неладно на душе. Они не знали, чем его развлечь, а спросить так и не решились. Больше всех заботился Марек, его денщик, так как был ближе всех подле него, и вообще много чего знал в сравнении с остальными.

– Хлопцы, – сказал он товарищам, – Давайте устоим возле нас постель-кровать капитану. Пусть он будет с нами. Видите, какой он печальный.

– Не удивительно. Где-то подбил себе глаз, и, видно, крепко болит, – сказал кто-то, – Да, конечно, пусть сам не сидит, между людьми легче.

Роман с удовольствием лег на мягкую постель, раскинул руки, ноги, закрыл здоровый глаз и продолжил свои невеселые думы, но вскоре уснул крепким здоровым сном. Он даже не слышал, как его денщик осторожно разул, расстегнул ремни на поясе и, шикая на остальных, говорил шепотом, прикладывая палец к губам:

– Тише, хлопцы, тише, он целую ночь не спал.

– И ты с ним тоже?

– Я-то немного поспал, а он ничуть.

– А что случилось с капитаном? Ты, наверно, знаешь?

– Хоть и знаю, да не скажу.

– Почему? Что мы не люди? – спросили солдаты.

– Вы-то люди, только у вас языки, как лопата – не успею сказать, а уже будет знать всё воеводство.

А между прочим, они бы не сказали никому, а сделали бы получше. За своего капитана отомстили бы любому. А Антон посчитал бы все ребра злоумышленнику, и одного ни за что не оставил. И Марек знал, что такой скандал не прошел бы даром никому: ни обидчику, ни пострадавшему. И потому молчал, хотя очень хотелось рассказать, язык так и чесался. О, если бы он догадался рассказать обо всём, что знал, одной только Янине, всё в жизни капитана и его любимой пошло совсем по-другому.

Глава 5. Каменный крест

Дед Матвей проснулся и разбудил сладко спавшего Бондарыка.

– Вставай Петро, скажи солдату трубить подъем. Уже пятый час. Вели всем собраться возле нашей лесной столовой, я сейчас тоже туда пойду.

Когда пришел дед Матвей, все уже были в сборе.

– Так, все собрались? – спросил дед, – Хорошо, у меня есть предложение. Если хотите, оседлайте ваших лошадей, и я покажу вам одно интересное место. Вон там, где эти горы. Как, пан поручик, одобряете мое предложение, или здесь проведем остаток дня?

– Нет-нет, поедем, – закричали большинство солдат, и поручик с барышнями тоже.

– Тогда становитесь в очередь, чтобы не было сутолоки. А ты, Павлина, с пани Агатой раздайте парням по коржу с медом, и так стоя, на скорую руку подкрепимся, и по коням. Даю вам на это не больше получаса. Воды здесь не пить, я вас приведу к таким ключам, что вода там покажется лучше вина.

– Папа, а с нами как будет? Ведь мы с пани Агатой ездить верхом не умеем, а телега туда не пойдет, – спросила Павлина.

– А я вас и не зову. Верно, телега туда не пойдет, только на лошадях можно добраться.

– А как же мы здесь одни останемся? Вдруг к нам пожалует медведь или дикие свиньи? И стрелять мы не умеем, и на дереве не спрячемся, мишка лучше нас лазит, а свиньи подроют корни, и дерево упадет.

– Да, ты права, Павлина, свиньи страшнее медведя. Только мы вас одних не оставим. Пан поручик скажет, кому можно доверить охрану.

– Доверить-то всем можно. Ведь это чуткий народ. Только я никого не буду заставлять, а найду желающих. Ну, так, как хлопцы, кто желает остаться для охраны? Если такие найдутся, выйдите вперед, – скомандовал Густав.

Вышли пять человек.

– Вот и прекрасно. Для охраны достаточно, тем более, что свиньи не так пули боятся, как огня. А у нас костер есть, только надо его поддерживать. А может ты, Антон, останешься? Ты у нас такой здоровяк, что и медведя задушишь, если он надумает прийти сюда в гости, – предложил Густав.

– Если прикажете, останусь, – почесывая затылок, ответил парень.

– Я тебе не приказываю, а спрашиваю.

– Коли спрашиваете, так я поеду. Очень хочется посмотреть, что нам дедушка покажет.

– Ну, ладно, управятся и эти пять человек. Тогда поехали, а то я вижу, дед уже на коне.

Павлина с тревогой посмотрела на своего старенького отца.

– Папа, папочка, что ты придумал, разве ты удержишься в седле? Конь чего-нибудь испугается и тебя разнесет.

– Ну, что ты, дочка? Разве я сам? Смотри, какие орлы возле меня, и разве я тоже не орел? Посмотри, как я сижу, хе-хе! Я еще их перегоню, не забыл верховой езды, – успокаивал дед Матвей.

И старик, подбоченился левой рукой, а правой подкрутил седой ус. И что ты ему скажешь, увидел столько молодых людей и сам помолодел.

Отряд во главе со стариком Матвеем скрылся в лесной чаще. На поляне стало тихо. Женщины помыли посуду после полдника, и пошли отдыхать в сою палатку, а также поделиться впечатлениями. Оставшиеся солдаты, не спеша, собирали сухие ветки и тоже обсуждали увиденное.

– Слушай, Юзек, а что случилось с нашим капитаном? Какой-то он стал другой, будто его кто-то подменил.

- Да, кто там его подменивал. Голову побил, сам же мне говорил, и потому молчит.
- А может, его какая девка приколдовала?
- Если бы приколдовала, возле нее крутился и был бы веселый.
- Сколько ему еще осталось служить? Год, а после он демобилизуется, и на его место станет рыжий пёс.
- Нет, пёс тоже уйдет, им обоим год остался.
- Оставим солдат, собирающих хворост, и посмотрим, что делает Роман Зарыцкий.
- Пан капитан, вы уже проснулись? – спросил денщик.
- Да, я не сплю, а почему так тихо, где остальные?
- Их нет, они уехали куда-то в лес.
- А меня никто не приходил звать?
- Нет.
- Вот как. Ничего, поедem сами. Хочется мне знать, что там интересного дед покажет.
- А если мы их не догоним и заблудимся, лес-то дикий, зверей полно.
- Марек, зверей не бойся, на границе страшнее, чем в лесу. Если мы даже заблудимся, поскольку день уже клонится к вечеру, разведем огонь и зверь не подойдет. А на границе разведи огонь, враг сразу тебя прихлопнет.
- А если на огонь подойдет этот и вас убьет?
- Он этого не сделает.
- Почему не сделает? Вчера чуть не сделал. Хорошо, пистолет был не заряжен.
- Вот именно, здесь он теперь меня не убьет. Где-то, конечно, может. Да и где-то тоже побоится, ведь у меня есть два свидетеля: ты и Аверьян Кудыма. Хотя Кудыма его денщик, но своего господина не очень жалует, я знаю. Только, Марек помни, о нашей стычке с поручиком Маревичем никому не рассказывай. Это наше личное дело. Ты понял?
- А что тут не понимать, только, только... Эх, капитан, я бы на вашем месте не так поступил.
- Ну, хватит, мой юный друг. Я уже оделся и пойду к женщинам, возьму что-нибудь поесть, а ты беги за лошадьми.
- Взяв на дорогу провизии, капитан спросил:
- Пан Бондарык, в какую сторону уехала наша компания, не в эту ли сторону, на юг? – и указал рукой.
- Вот именно, туда. вам надо все время смотреть на эту гору, что упирается шпилем в небо. К ней они доедут, а потом круто свернут в лес и задержатся на большой поляне. Фактически это и есть цель экспедиции. Если бы у вас был бинокль, вам бы лучше было ориентироваться.
- А он у меня всегда есть, вместе с оружием. Это для пограничника неотъемлемая вещь. Спасибо и до свидания. Поехали.
- В лесу можно было заблудиться, но не опытному пограничнику.
- Вот видишь, Марек, ты говорил, что заблудимся, но по этим следам можно ехать и при луне. Смотри, около сорока лошадей прошли по нетронутой земле. Даже после дождя следы будут видны долгое время.
- Лес был густой, девственный, были такие места, что надо было объезжать, но у наших путников не было проблем, поскольку ехали они по проторенной дороге. Было уже половина восьмого, когда капитан остановил лошадь.
- Вот интересно, они уже приехали или блуждают? – спросил Роман.
- А я залезу на это большое дерево, и может, увижу их, только дайте мне бинокль.
- А не свалишься?
- Вот еще, чтобы я свалился. Сниму сапоги и полезу, как белка.
- Спустя пару минут Марек закричал:

– Вижу-вижу, вон они под той горой, что Бондарык говорил. Вот спешили и ходят вокруг нее. Вот исчезли, как будто бы в гору влезли.

– Наверно, там есть пещера.

– Да-да, вижу черное пятно, наверное, вход в пещеру. О! Я еще что-то вижу.

– А что именно? Гляди хорошо.

– Вижу большую поляну, а на ней стоит белый крест, как раз против той горы, где наши люди остановились.

– Ага, они к нему придут. Бондарык так говорил. Слезай, Марек, и мы напрямик скоро придем к нему.

Пробираться напрямик, конечно, было трудно, но поскольку большая компания задержалась у скалы, наши путешественники пришли на поляну раньше её.

– Вот мы уже на поляне. Смотри, посередине широкий круг уложенных камней, на нем второй, поменьше, вроде как две ступени, а посередине квадратный пьедестал, на котором и стоит этот крест. Здесь Марек, кроется какая-то история, о которой дед хочет рассказать.

– Наверно. Значит, будем их здесь дожидаться?

– Конечно. Иди, Марек, распусти ремни у лошадей, вынь удила, пусть щиплют листья с деревьев, поскольку травы здесь нет. И мы успеем поесть, пока к нам остальные доберутся.

Вскоре подъехали остальные. Лошадей привязали к деревьям, и все собрались, окружив крест. К Роману подошел Густав, веселый, в приподнятом настроении и, как ни в чем не бывало, выразил удивление:

– Ты смотри, и как это ты сюда без проводника добрался, и даже раньше нас нашел эту поляну.

– Зачем нам проводник? Вы оставили такой след, что через месяц по нему можно ходить. А почему меня не позвал, когда отправлялся в лес?

– Ты, кажется, спал, и у тебя, наверняка, еще голова болит, – с откровенной издевкой сказал Густав, лукаво поглядывая на Янину.

– Нет, спасибо, уже не болит, а как твои колени, тоже перестали болеть?

– А они у меня и не болели – ответил Роману, Густав ушел от него подальше, опасаясь, как бы их разговор не свернул на нежелательную тему.

К подножью креста подошел дед Матвей. Все замолчали.

– Слушайте, уважаемые. Вы уже видели пещеру, где жил со своей женой бедный Альфред, а здесь они похоронены. Вот на пьедестале выкованы их имена. Можно еще разобрать, если приглядеться.

Перешагнув ступени, Роман опустился на одно колено и стал всматриваться в надпись, но на том пьедестале между камнями, местами были дыры, и из одной, прямо у руки Романа, внезапно показалась змея. Но тот не растерялся и опередил её, схватив опасную тварь у самой головы. Все замерли в ожидании, что будет дальше, а змея, сообразив, что укусить не может, обвилась вокруг Романа, словно пытаясь его задушить. Она была довольно длинная, почти два метра.

– Хлопцы, принесите скоренько толстую палку, – попросил Роман.

Несколько солдат сразу бросились исполнять просьбу, и палка была доставлена мгновенно.

– Принесли? А теперь дайте ей укусить один конец, только берегитесь, этого конца с ядом в руки уже не брать. И заройте эту палку в землю, чтобы никто на нее не наступил. Вот так, кусай-кусай, моя красавица. Это ты мне приготовила свой нектар, так вылей его на палку, а теперь я отнесу тебя в лес подальше от людей, – приговаривал Роман, и уже, было, направился в лес, но дед его остановил:

– Нет, мой дорогой капитан, ты ее в лес не носи.

– А что же мне с ней делать, на ужин отнести? Говорят, колдуны их едят
– Фу! Какая гадость, пусть колдуны их едят, у них гадкая дорога, а мы люди нормальные.
– Так что же мне с ней делать? Буду сидеть с ней, держать и ждать пока она сдохнет?
– Нет, сидеть не надо, а убей ее. Пускать теперь нельзя, она осрамлена и обязательно отомстит. Если не тебе или кому другому, то упадет на невинное животное. И убить должен только ты.

– Как же я ее убью? Видишь, как она меня обняла. Я буду ее снимать, а она меня все-таки ужалит.

– — А в лес как думал унести? А если бы у тебя в руках ничего не было? Как бы ты поступил?

– Я бы тогда задушил ее, но душить как-то неприятно. Воин привык рубить.

– Да, ты прав, душить противно, тогда помогите ему хлопцы.

Антон первый подбежал к капитану и схватил змею за шею и стал ее раскручивать. Потом хлопцы отнесли ее немного дальше, и Роман шашкой отсек ей голову. Вырыли яму и бросили ее туда, приотпав ногами землю.

– Ну, капитан, ты победил, – сказал довольный дед.

– А что тут такого важного, всякий бы победил, защищая себя.

– Нет, не всякий. Ты хоть понимаешь, что победил? Ты победил человека, злого, как эта змея. Правда, тебе неведомый друг поможет. Это и хорошо, самому тебе было бы тяжелее. Но ты непременно победишь, только придется натерпеться. Но ты не падай духом, все будет хорошо, поздравляю заранее. Только после победы не забудь старика, навестить, а если меня не застанешь, помолись на моей могиле. А теперь, капитан, продолжай читать надпись. – закончил свои предсказания дед Матвей.

Опустившись на колени, Роман опять стал присматриваться и начал медленно читать: «Здесь похоронены муж и жена, Альфред и Терезия. Кто будет проходить в этой глуши мимо могилы, помолитесь за их души. Просит их сын, Вацлав Ожельский. 1782 год».

– А теперь, детки, помолимся за них и за сына тоже, потому что их всех давно уже нет, – вздохнув, сказал дед.

Все стали на колени, по примеру деда, прочли молитву, и даже кто-то из старших годами солдат, зажег вместо свечи сухую ветку елки. Окончив молитву, все встали. Дед сказал:

– Пусть спят спокойным сном. А нам пора возвращаться, солнце уже низко над землей, лес скоро покроется мраком, и женщины в лагере будут беспокоиться.

– Дедушка, а вы нам еще ничего не рассказали о покойных Альфреде и Терезии. Только показали, где они жили, – напомнил кто-то.

– Расскажу, детки, у костра. Там тоже захотят послушать, а теперь поехали, пока в чаще леса еще что-то видно.

– Тогда до скорого свидания, я возвращаюсь своей короткой дорогой, – сказал капитан.

С ним поехали его неотлучный Марек и Антон, который не спрашивая ничего разрешения, решительно повернул своего коня и примкнул к ним.

– Так мы тоже поедem короткой дорогой, – впервые за весь день отозвалась Янина.

– Женщинам ехать той дорогой невозможно, изорвете все платье в клочья, а местами надо пролезать пешком, – ответил Роман.

Янина подумала: «Вот как, он даже не хочет со мной вместе ехать. Наверно, ночью опять помчится к своей девушке, а может, побоится, чтобы ему второй глаз не подбили. Ну и пусть, подумаешь, какой хан в чалме. Густав лучше, не задается, такой ласковый, вежливый, добрый. Всю дорогу развлекает, угощает. Только Зося по этому хану вздыхает, а он на нее наплевал».

– Янина, о чем так задумалась? – тихим вкрадчивым голосом спросил Густав.

– Да так, ничего особенного, – вздрогнув, ответила девушка и покраснела от своей лжи.

– А что это старик говорил Роману про злого человека, змею и победу? Причем тут змея и победа?

– Понятия не имею. Надо деда спросить, что всё это значит. Давайте подьем к нему ближе и спросим. Может, скажет.

– Дедушка, расскажи нам, пожалуйста, что значит злой человек и змея, как это понять? И от чего пан Роман спасется?

– Он спасется от злого человека и победит его.

– А что общего со всем этим имеет змея?

– Этого я тебе не скажу. Тебе еще рано знать всякие вещи.

В лесу уже сгустились сумерки. Девушки ехали возле деда. Несмотря на то, что было много людей, всё равно было жутко, все притихли и ехали молча. Вдруг в лесу раздался душе-раздирающий крик. Все поневоле остановили лошадей. Крик повторился еще два раза. Когда миновали лес, Зося спросила, боязливо оглядываясь, и солдатики тоже, окружив старика, ждали, что он скажет.

– Дедушка, что это было? Кто так ужасно кричал? Хоть бы не повторился этот ужасный крик.

– Да, крик жуткий, но это не человек кричал, а птица, – ответил дед.

– Таким человеческим голосом? Не может быть, – отозвался Густав, и обвел глазами свой маленький отряд, – Ну-ка, хлопцы, оглядите, все вы тут? Никто не отстал?

– Да, пан поручик, мы все есть, кроме троих, – ответил кто-то из солдат.

– Ой, мамочка родная, а может, какой зверь на пана Романа напал, или на тех, кто с ним уехал? Может, их дикие свиньи разрывают? – сквозь слезы вырвалось у Зоси.

– Успокойтесь, люди. Никто никого не разрывал. Я вам говорю, что это птица такая есть. Она тоже предвестник, – сказал дед.

– Дедушка, а что она сказала? – спросил кто-то.

– Она сказала, что у кого-то из нас будет большая печаль, но смерти не будет.

– О, какая скверная птица.

– Она не виновата, что родилась предвестником. Не надо ее ругать, а лучше берегитесь и старайтесь быть друг другу товарищами. Все меня поняли?

– Да, дедушка, мы поняли и пока живем дружно меж собой, а дальше не знаем, что будет, – сказал один из солдат.

Так рассуждая, отряд подъехал к самому лагерю. Встречали их с радостью. У костра уже сидели, ожидая остальных, все трое: капитан, Марек, Антон и те, кто никуда не ездил.

– Ой, мама, тетя, какой ужас таится в нашем лесу, а мы даже не знали, – возбужденно сообщила Зося.

– Что же там такого ужасного? – спросила Павлина.

– Мама, там птица есть такая, что человеческим голосом кричит.

– Ага, нам тоже был слышен какой-то далекий крик, но мы не могли понять, что это такое. На время разговор прервался, все уселись ужинать. На ужин была печеная в золе картошка, грибы и жареная рыба.

– Где же взяли картошку? – спросил дед.

– Я ездил домой и привез, – ответил Бондарык.

Солдаты, осмелев, стали наперебой рассказывать о своих впечатлениях и задавать интересные их вопросы. Только и слышалось:

– Дедушка, дедуль, дедуля, расскажи нам про эту птицу. Мы ведь не трусливые, на границе всякое бывает, и как-то не так страшно. А вот от этого крика в темном лесу стало так жутко, даже мороз сковал спину. Почему ты сказал, что она предвещающая? Да мы о такой и не слышали никогда.

– Дедушка, а ты обещал про пещеру и про бывших жильцов нам рассказать.

– А про змею? Я думала, у меня сердце лопнет от страха, что она ужалит пана Романа, – сказала Зося.

– Ну и что? На одного человека стало бы меньше, – ответил дед.

– Дедушка, не шути так, а то и вправду может что-нибудь случиться.

«Милая добрая девочка», – думал Роман, – «И почему я не могу тебя так полюбить, как Янину? До сих пор я ни к кому не имел таких чувств, а дед говорит, что я буду победителем. Какая же тут победа?»

Красивое было зрелище. Большая поляна. С одной стороны, река чистая и прозрачная, как стекло, а с другой – лес обнял ту поляну полукругом. Две большие палатки стоят, освещенные полной луной. На костре потрескивают небольшие бревнышки, выкидывая вверх языки пламени. Вокруг костра расположилась необыкновенная группа людей: военные, две женщины разного типа, две девушки, а в самом центре – старик в штатском платье, с седой бородой. На него и было обращено всеобщее внимание. Дед поднял правую руку, прося тишины, и все умолкли в ожидании.

– Так вот, эта птица очень редкостная, ее днем не увидишь, и, пожалуй, ночью тоже трудно увидеть. Она только в темноте летает. Глаза у нее светятся, как два уголька, потому что в них много фосфора. А живет она в норе, как многие животные. Но она одарена от природы инстинктом предчувствия. И вот, когда ты попадаешь в круг ее чувствительности, она тебя предупреждает.

– А как вы знаете, когда она говорит только о какой-то неприятности, а когда о смерти?

– Мне мой дед еще говорил, что если скоро что-то случится, она закричит три раза, а если нескоро, то один или два раза, а если о смерти, то перелетит или перебежит тебе дорогу.

– А какая она из себя?

– Дед говорил, что серая, как сумерки вечерние, а крылья очень большие, как у орла. Но точнее он ее не мог увидеть.

– Дедушка, а змея?

– Хотите знать про змею? Хорошо, скажу. Если ты не трогаешь змею, а она тебя преследует и старается укусить, то так и знай, что у тебя есть подлый враг, который хочет тебя убить. Старайся ее победить, тогда ты и врага победишь, а если тебе кто-то поможет, то и врага тебе помогут победить. А если ты ее упустишь, значит, растерялся, и враг тебя одолеет.

– Дедуля, а как змея может знать о враге и его противнике?

– Ну, знаете, мои дорогие, того говорить не стану. Все равно не поймете за один раз.

– Ладно, и так достаточно, – отозвался кто-то, – Лучше расскажите про пещеру.

– Что ж, слушайте, мои дорогие... Давным-давно в этом же селе Казимировке жили два брата. И хотя они друг другу были родными, но характером разные. Один был добродушный, а другой жадный. Оба они жили зажиточно, можно сказать, даже богато. Но добрую семью постигло горе, добрый брат умер, оставив молодую жену и маленького сына Альфреда. Сын пошел в отца, тоже был добрым, но злой дядя и его сделал злым. А было это так. Когда отец Альфреда умер, дядя Кароль Ожельский стал его опекуном. Так водится по традиции, поскольку он самый близкий родственник. И так усердно их опекал, что вскоре сделал нищими. Мать с горя умерла, Альфред мыкался туда-сюда, а когда стал взрослым, потребовал у дяди свое имущество. Но дядя его высмеял и сказал, что мать давно перевела всё на свои финтифлюшки. А когда Альфред стал доказывать, что это неправда, дядя не на шутку рассердился, вытолкнул его на улицу и спустил на него собаку волчьей породы. И неизвестно, чем бы эта схватка кончилась, если бы мужчина с вилами не спас его. Месяца два его лечила одна старуха, слышавшая в селе лучшим лекарем. Вылечившись, Альфред исчез. Никто его не видел целый год. А через год он еще раз попытался уговорить дядю отдать его добро. Но дядя, выслушав просьбу, ответил, держа за ошейник собаку: «Тебе тогда было мало? Повторить еще раз?» Аль-

фред ушел, а через несколько дней собаку нашли в саду мертвой, а вскоре сгорел дом Альфреда и его дяди. Все сгорело дотла, и никто не тушил потому, что Альфред отошел на безопасное расстояние и несколько раз крикнул: «Кто осмелится, тушить дом моего дяди, тот и сам пойдет с дымом. Слышите?» А в поле той же ночью сгорело всё дядино жнивье. Кароль Ожельский потерпел огромные убытки. Вдобавок, одна из его дочерей, испуганная пожаром, сошла с ума. Кароль Ожельский поклялся, что отыщет племянника и предаст его мученической смерти. Но поймать племянника Ожельскому так и не удалось, а когда он вдруг появился в родных местах, дядя уже был бессилен, ибо все боялись мести Альфреда.

– А Ожельский не заявлял властям? – спросил кто-то из слушателей.

– Почему же, заявлял, и Альфеда искали, но напрасно, потому что Альфред исчез на целых десять лет. Где он скитался, никто не знал. Вернувшись в свой край, он поселился в лесу, в тех пещерах, где мы с вами были.

– А чем он жил, если к людям не являлся?

– Он питался лесной дичью, а жил с грабежа.

– И никто не мог его поймать во время грабежа?

– Нет. У таких людей исключительная осторожность, у них все обдуманно и продумано.

– А чем же он охотился, если у него не было оружия?

– Первым делом, у него был злодейский нож, хотя им он никого не зарезал. Животных в лесу убивал стрелами, у него был замечательный лук. И еще у него была алебарда. Откуда она взялась, никто не знает, но от той самой алебарды его и прозвали, отбросив «але» и оставив «барда». А уже из Барды то прозвище обратили в Бердыш. Он со своим оружием: ножом, луком и алебардой, – не разлучался. Воровал изредка, но за свою жизнь никого не убил, и говорят, что у бедных тоже не брал, помня свою мать и нищету, в которой они жили. А когда Бердыш вернулся в свою местность и остался навсегда в пещере, то вообще ничего ни у кого не брал.

– А с чего же он тогда жил?

– Занимался охотой. Продавал шкурки лисиц, горных коз, зайцев, медведей и других зверей.

– А он не боялся, что его поймают?

– Его оставили в покое, никто уже не искал его. Но он все-таки остерегался и ходил на далекие базары, где его не знали. И вот однажды, когда он шел на базар, его догнал экипаж. В экипаже ехали трое: пожилой мужчина, молоденькая женщина и кучер. Когда они проезжали мимо, Бердыш заметил, что одно колесо еле держится на оси, и вот-вот упадет. Он закричал и показал обернувшемуся кучеру рукой на коляску. Коляска остановилась. «Что случилось?» – спросил господин своего кучера, слезая на землю, а осознав грозившую им беду, поклонился Бердышу, – «Спасибо, добрый человек, что предупредил, а то мы могли бы опрокинуться на ходу». И пошел меж них такой разговор:

– Слушай, добрый человек, помоги мне поставить колесо на место, я тебе уплачу – попросил кучер.

– Хорошо, – согласился Бердыш, – Могу и без платы помочь.

Колесо поставили на место, господин вынул из кошелька монету и протянул Бердышу, но тот не взял.

– Не надо мне платить, тем более, здесь почти нечего было делать.

– В таком случае спасибо. Кажется, вам попутно с нами, так садитесь, подвезем.

– Да, мне в ту сторону, иду на базар.

– Вот и хорошо, а я живу дальше базара, под самым лесом. Хотите что-то купить?

– Нет, хочу продать.

– И что же вы продаете? – спросил барин из вежливости.

– Меха всякие.

– Интересно, а можно посмотреть?

– Почему же, пожалуйста.

Бердыш начал вынимать шкурки, одна за одной, и разложил их тут же в экипаже.

– О, какие красивые! А эта свернутая, кажется, медвежья?

– Да медвежья. Вот она. Но здесь для нее места мало, я лучше расстелю ее на траве.

– Не надо, поедem ко мне и там и расстелем. Я ее у вас куплю. Вам нечего спешить, базар будет завтра.

– Хорошо, я согласен, пусть будет так.

– А как вас зовут, добрый человек?

– Так и зовите, добрым человеком.

– Не желаете сказать свое имя?

– Да, что-то не хочется.

– Ну, хорошо, – улыбаясь, ответил барин.

– Папа, а ты в самом деле купишь медведя?

– Да, доченька, сказал, значит куплю.

Отец с дочерью разговаривали, а Бердыш не спускал глаз с девушки. Его поместили во флигеле. Утром Бердыш постучал в дом, его угостили завтраком. Медвежью шкуру барин забрал, а остальные шкурки раскупили слуги. Когда продавец прощался, к нему подошла дочь барина и попросила:

– Добрый человек, если можете, принесите еще медвежью шубу.

– Хорошо, барышня, могу и принесу. Вам много надо?

– Да, много. А разве вы можете много медведей наловить? Это страшные звери, они вас могут растерзать.

– Я их, барышня, не боюсь. Они меня боятся. Но сразу много не могу вам принести. Буду носить по одной.

После этого раза Бердыш приходил ещё пять раз, а потом похитил девушку.

– Как он ее похитил? – спрашивали все слушатели.

Уже было два часа ночи, но никто не спал, все с интересом слушали повесть про Бердыша.

– Вы поняли, что Альфред Бердыш без памяти влюбился в девушку и ломал голову, каким образом он мог бы ее увезти, свою Терезию. Он больше в дом не заходил. Только садился недалеко от ворот и ждал, пока его не увидят. А когда его заметили и подошли, он сказал:

– Пусть барышня подойдет, я ей обещал и никому другому шкурки не дам.

Подошедшие рассмеялись:

– Вот причудливый охотник. Думает, что барышне не отдадут его шкурки, если она сама не будет присутствовать.

В тот пятый раз он встретил её на дороге, далеко от дома. Она ехала на коне с каким-то кавалером.

– О, здравствуйте, добрый человек. Вы к нам или от нас?

– Нет, к вам.

И тут у Бердыша мгновенно созрел план.

– Барышня, я дальше не пойду, у меня болят ноги. Пусть этот господин принесет деньги, а вы пока посмотрите шкурки.

– Хорошо, – согласилась она, и обращаясь к спутнику, попросила, – Пойдите, пожалуйста, к отцу и возьмите денег для человека. Мы здесь будем вас ждать.

– Барышня, пусть господин пойдет пешком, ведь это совсем недалеко. А мы с вами поедem вон туда, – показал рукой на какой-то дом, – Там у меня все остальное. У меня очень болят ноги. Я сегодня медведя ловил и сразу сюда пришел, вот посмотрите, еще шкура сырая.

– Ну, хорошо-хорошо. Вы, Виктор, идите, потом подождете нас здесь, а мы пока съездим.

И добрый человек с Терезией уехали.

– Где же Ваш товар, добрый человек? Мы уже на краю села. А может, вы не принесли? – чуть с тревогой спросила девушка.

– Я-то привез, – почесывая затылок, медленно и задумчиво ответил Бердыш, – Только забыл, что оставил не здесь, а вон в том посёлочке.

– Нет, туда я не поеду. Вернемся домой, а завтра возьмете лошадь и привезете.

– Барышня, зачем до завтра ждать? До поселка рукой подать. Вон, я вижу, хозяин вышел из дома и что-то делает во дворе.

Терезия согласилась. Но он не поехал прямой дорогой в поселок, а свернул правее, в сторону леса.

– А почему мы сюда едем?

– Потому, что там мост разобрали, чинить будут, а река глубокая, не переплывем.

– Куда вы меня везете? Мы же отклонились в другую сторону.

– В обход, барышня, в обход.

– Какой обход? Я здесь все дороги знаю. Я дальше не поеду, вы что-то хитрите. Скажите, что вам надо. Если, может быть, мой браслет или серьги? Так, пожалуйста, возьмите, только меня оставьте в покое и там человек ждет с деньгами. Что он подумает?

Выехали на лесную дорогу, и Терезия остановила лошадь. Но Бердыш на этот раз ничего не ответил, он вырвал из рук у девушки поводья, хлестнул лошадь по крупу, и они понеслись по лесу. Девушка лишь тогда не на шутку испугалась и закричала: «Люди, спасите! Люди, люди!»

– Терезия, милая, не кричи. Тебя все-равно никто не услышит.

Девушка заплакала и стала просить:

– Добрый человек, отпустите меня, что вы хотите со мной сделать? Может, вам хочется большого выкупа за меня, так отец даст, только пустите.

– Если я тебя отпущу, никто не даст никакого выкупа. Но мне ничего не надо, только ты одна. Терезия. Я люблю тебя безумно, и уйти от меня ты сможешь, только если меня убьют.

Девушка припала головой к седлу и рыдала, бессильно опустив руки.

– Ты не подумал, что будет с моим отцом?

– Нет, не думал, и думать не хочу.

– Ты безжалостный человек, ты обращаешься с людьми, как с этими животными, которых убиваешь.

– А ты тоже с ними поступаешь так же.

– Я? Да я в своей жизни только мух убиваю.

– Но мех, который я с животных содрал, тебе нравится, и в этом случае тебе их не жалко. А людей мне не жалко, потому что они меня не жалели и не жалеют. И я уверен, если бы твой отец узнал что-либо обо мне, он бы не пощадил меня.

– Так кто же ты, убийца?

– Нет, я не убийца, и все же должен от всех скрываться. Но сейчас я тебе больше не буду о себе рассказывать. В моем доме все тебе расскажу.

– Ты ошибаешься, я в твоём доме не буду, ведь как только встретим по дороге людей, я закричу, что ты меня везешь насильно.

– Успокойся, девочка, я повезу тебя такой дорогой, что ты и духу людского не почувешь.

И так Бердыш десять лет прятался с Терезией по чужим глухим лесам. Лишь когда все поиски Терезии ее отцом были прекращены, Бердыш со своей женой вернулись на родину, в ту пещеру, что вы видели. Там они прожили семь лет. Терезия успокоилась, примирилась с судьбой. У них родился мальчик, которого назвали Вацлавом. Мальчику было шесть лет, когда его мать, Терезия, умерла.

– Отчего она умерла, заболела?

– Нет, она никогда не болела. Терезия на чистом воздухе стала еще красивее. Это была красивая цветущая женщина.

– А что же тогда? Наверно, он ее за что-то побил, или зверь какой её покалечил?

– Ни то, ни другое. Альфред ее так любил, что часами носил ее и мальчика на руках. Он однажды сказал своей жене: «Тереза, как я счастлив с тобой, ты мне награда за все мои мучения. Хотя бы Господь не наказал меня за прошлое, за пожар, учиненный мною. Правда, Тереза, ты меня никогда не покинешь?» «Нет, Альфред, не покину, я и умру в этих диких дебрях».

Да, и вот однажды, какой-то вельможа устроил большую охоту. К горам охотники не подходили, до них было очень далеко. В то время этот лес, где мы сидим, был очень большим, но звуки труб, какими охотники делали переключку, порой доносился и до гор. Терезия услышала трубный звук, и ей захотелось посмотреть, кто же на них играет. Она полезла на эту высокую гору, но по неосторожности поскользнулась, упала и, конечно, разбилась. Мальчик видел, как мать упала, он прибежал, хотел ее поднять, но она чуть слышно сказала: «Вацлав, я умираю, позови отца, только скоро». Мальчик побежал в пещеру, взял охотничий рожок, выбежал на поляну и стал трубить тревогу. Альфред прибежал мгновенно, поскольку был неподалеку.

– Что случилось, Ватя? – спросил у сына, – Не надо так играть, сынок. Я думал, на вас медведь напал.

– Нет, папа, там под горой мама умирает, она со скалы упала.

Бердыш опустился перед женой на колени:

– Тереза, я отнесу тебя в пещеру, на мягкую постель из медвежьих шкур. Ты их так любила, через них я и тебя нашел.

– Нет, Альфред, не надо. Я только хочу тебя попросить, береги нашего сына и не учи его мстить людям за их зло, как ты это делал. Видишь, за свой поступок ты всю жизнь скитаешься. И передай моему отцу последнюю просьбу, чтобы он меня простил. Он не разрешал мне на улицу к тебе выходить. Он говорил: «Не выходи, Тереза, к торговцу шкурами. Он на тебя особенно смотрит». Я смеялась над папиными словами. А-ль-фред, по-це-луй ме-ня. Вац-лав тоже.

И Тереза скончалась в объятиях своего мужа. Альфред обезумел от горя. Он отнес тело жены на ее любимое ложе и просидел молча два часа, даже не замечая мальчика, который тоже сидел молча в углу, уткнув голову в свои колени. Наконец Бердыш очнулся, и, взяв простыню, накрыл мертвое тело жены и позвал сына: «Пойдем, Ватя, принесем чистой воды, надо маму помыть, я это сам сделаю, а ты нарви цветов, только дальше этого дуба не ходи и возьми с собой рожок». Пока мальчик пришел, Бердыш нарядил жену в лучшее платье и убрал ее постель цветами, на которой она лежала, поцеловав ее руку и лоб, вышел из пещеры, держа сына за руку.

– Папа, мама теперь будет там лежать? Да, папа? Я буду каждый день носить ей свежие цветы. А на зиму мы перенесем ее в дальний угол пещеры, там теплее, и будем каждый день разводить костер, чтобы ей было тепло.

– Нет, больше мать тут с нами жить не будет, я ей вон там приготовлю постель. Иди со мной, сынок, будешь мне помогать.

Бердыш взял железо, какое у него было, и на той поляне, которую вы уже знаете, выдолбил могилу. И чтобы не давить покойницу камнями, он застлал могилу сверху дубовыми бревнами. Бердыш долбил могилу целые сутки, не отдыхая. Он спешил, чтобы труп не разложился. Три дня Бердыш ничего не ел, сидел над могилой и молил покойную жену простить его за то, что он ее похитил и заставил силой жить с ним. И кто знает, может быть, и зачах бы, голодая и горя, но сын не дал:

– Папа, я есть хочу.

– А, я и забыл, прости меня, детка. Я тебе сейчас приготовлю что-нибудь поесть.

– Папа, почему ты ничего не ешь?

– Не хочется, детка, а ты ешь.

– Я не буду один есть, ты тоже ешь. Ты что, с голоду хочешь умереть, да? А я что тогда буду делать? Я еще не могу со зверями бороться, они меня растерзают. У-у-у, как страшно, – заплакал мальчик.

– Не плачь, мой дорогой, дитя ты мое бедное.

– Я тебе не верю. Вот сиди, а я тебя сам буду кормить

И мальчик совал ложку за ложкой еду отцу все приговаривая: «Ешь, папа еще, этого тебе мало. Ну, еще кусочек, ну, папа, будь же умный».

Лето кончилось. Альфред задумался. Что дальше делать с малышом, оставлять одного в пещере страшно, а вдруг ему захочется ползть на гору, как его матери, и он тоже сорвется. И брать с собой на охоту тоже опасно. А если он обережет его от всяких несчастий и мальчик вырастет, кто он тогда будет, лесной зверь? И Альфред решил отвезти сына к его деду, господину Николаю Браницкому.

Старик сидел в мягком кресле в своем кабинете и перечитывал уже в сотый раз письма от своей дочери Терезии. Вошла его сестра, тоже уже пожилая, но заглянув через плечо, ушла обратно. Она знала, если старик читает письма дочери, его трогать нельзя, он может разрыдаться, и тогда непременно случится сердечный приступ. Первое письмо было коротенькое, такого содержания:

«Папочка, не волнуйся, что я задержалась и не могла тебя известить, куда я поехала, так получилось. Ты ведь знаешь, что в жизни человека бывают разные неожиданности. Но я жива и здорова и ничего мне не угрожает. До скорого свидания. Твоя дочь Терезия».

Второе письмо было написано спустя два года:

«Здравствуй, дорогой папочка! Дорогой папочка, не знаю с чего начать свое письмо или вернее, объяснение. Знаешь, папа, я встретила с одним человеком. Он очень несчастный и я решила разделить с ним его горе. Сначала я не хотела, но потом согласилась с ним остаться, и даже его полюбила. Папа, я не могу теперь его оставить, и приехать к тебе тоже не могу. За ним гоняются, ловят, но он не виноват. Злые люди сделали его виноватым ради наживы. Я думаю, ты поймешь мое письмо. Позже я постараюсь навестить тебя вместе с ним. До свидания, папочка, целую. Твоя дочь Терезия».

Третье письмо спустя десять лет:

«Здравствуй, дорогой папочка! Долгое время я о себе не подавала тебе никакой весточки, ты сам в этом виноват. Не надо было моего мужа искать, я тебя предупреждала, что его и без тебя ищут, а ты еще подлил масла в огонь. И поэтому нам пришлось скрываться очень далеко от нашей местности. Но это все уже давно прошло и ты не будешь нас больше преследовать. А теперь поздравь меня, у тебя есть маленький внук Вацлав. Постараюсь с ним к тебе приехать, если ты не заявишь в полицию. До свидания, папочка. Про письмо никому не говори. Целую. Терезия».

– Анна, Анна, где ты там!?

– Я тут. Что тебе надо, Николай?

– Анна, ты только подумай, обещала, что приедет, а уже сколько времени прошло, а ее все нет. Может не она писала письмо?

– Что ты без конца сомневаешься, Николай, письмо она писала. А не едет, ты сам виноват. Зачем устроил поиски?

– А откуда он, этот похититель моей дочери, может знать, что я велел его искать?

– Откуда я знаю. Может, ему кто-то говорит.

– Ты понимаешь, уже семь лет, как это письмо мне принесли, и с тех пор молчит моя девочка дорогая. А я-то думал свою голову возле нее преклонить, и она мне пишет про внука.

А где же тот внук? Анна, это все ложь, моей дочери давно на свете нет, ее тогда еще этот бандит убил, а сам подбрасывает вот эти писульки.

– Ой, брат Николай, да есть-есть, она живая, и уж теперь скоро приедет вместе со своим сыном.

Анна ушла в свою спальню, пожелав брату доброй ночи. Николай, растревоженный воспоминаниями, не мог уснуть. Он накинул на себя пижаму и ушел в сад. В саду закурил папиросу и уселся на скамейку, потом стал вполголоса молиться. Не окончив еще молитвы, он увидел человека, который шел прямо к нему. Возле него что-то бежало, то ли ребенок, то ли собака.

– Кто идет? – спросил Николай.

– Это я, посланник от Терезии.

– От Терезии? Не может быть. Вы обманываете.

– Нет, барин, не обманываю.

– А кто это с вами?

– Ее сын, Вацлав.

– О, господи, идем в дом на свет, я хочу видеть.

– Тише, барин, тише. Пусть нас с вами никто не видит, пока мы с вами не переговорили.

Вошли в дом. Николай с интересом смотрел то на незнакомого человека, то на мальчика.

– Кто же вы такой?

– Я муж вашей дочери Терезии, а это наш сын.

– Так вы не тот человек, что медвежьи кожи мне продавал?

– Тот самый, барин, тот, что помогал вам исправить колесо к вашему экипажу, тот, кто в вашей столовой потом завтракал и тот, что на улице продавал только вашей дочери кожи.

– Неужели тот самый?

– Понятно, барин, почему вы не можете меня узнать. Я тогда был оборванный, заросший, как волк, а теперь я приделся в городе, чтобы вы меня не испугались, а мальчика я тоже придел.

– Ну, сядьте и расскажите про мою дочь и про себя.

Браницкий сел в свое любимое мягкое кресло. Альфреда и маленького Вацлава усадил на диван, потом похлопал в ладоши и таким образом позвал сестру Анну. Анна вошла, удивленно посмотрев на незнакомых людей.

– О, у тебя гости. Так поздно.

– Знакомься Анна, муж нашей Терезии и-и-и, – Николай запнулся от волнения.

– Ну, братец, не надо. На, понюхай лекарства.

Оправившись, Николай с волнением продолжал знакомить:

– Вот, Анна, Это муж нашей Терезии, а это ее сын.

– Поздоровайся, Ватя с... А как он должен вас называть, господин и госпожа?

– Дедушкой и бабушкой – сказал Николай.

– Папа, а как мне здороваться с дедушкой и бабушкой?

– Как ты здоровался с мамой и папой.

– И руку поцеловать?

– Да.

Мальчик бойко подошел к старику и поцеловал руку. Старик прижал мальчика к груди.

– Анна, посади мне его на колени.

– Не надо, дедушка, я сам могу сесть, только тебе будет тяжело. Видишь, какой я уже большой. Еще год, и я сам тебя на руки возьму.

Дед окончательно расчувствовался, обнял мальчика и покрыл его голову поцелуями.

– Смотри, Анна, какой бойкий, совсем как наша Тереза. А глаза, лоб, нос, губы. Да-да, это ее сын.

– Пусти, дедушка, я еще с бабушкой не здоровался.

Анна взяла мальчика на руки, уселась с ним на диван и, целуя и приговаривая, спросила:

– Где же твоя мамочка, нет ее здесь?

– Бабушка, не говори про маму. Не могу, когда ее часто вспоминаю. У меня болит сердце.

Мы с папой каждое утро плачем, когда идем ее навестить.

Помолчав немного, Николай заговорил:

– Ну, если ты мой зять, скажи, наконец, как тебя зовут?

– Что ж, придется сказать. Я думаю, ловить меня уже не будете.

– Нет смысла теперь ловить. Ну, так, как же?

– Зовут меня Альфред Ожельский.

– Какое красивое имя.

– Да, пани, имя красивое, только жизнь моя некрасивая.

– Расскажите, Альфред про себя, и мы будем знать, отчего пожалела вас Тереза и отказалась от нас.

– Поздно, пани, другим разом расскажу. Мне пора идти, а то мальчик уснет, и потом трудно будет его будить.

– Альфред, ты с сыном оставайся у нас, хватит тебе скитаться.

– Я не могу, а вот сына, если ваша добрая воля, оставлю. Пусть не растет дикарем.

– Про сына и речи быть не может, он нам заменит нашу дорогую Терезию. Ну, а ты сам, что будешь делать в этой лесной пустыне?

– Я от Терезии никуда не пойду, я ее одну не оставлю.

– Сын мой, подойди ко мне, пусть я тебя на прощание обниму. За сына не беспокойся, ему будет хорошо. И приходи к нам почаще, а если надумаешь, приходи навсегда.

– Ой, дедушка, какой печальный рассказ. Я вся дрожу, мне кажется, что Альфред сейчас выйдет из леса и присядет у нашего костра, – сказала Янина, до сих пор молчавшая.

– А кто его знает. Может быть, и его душа среди нас. Мы про него говорили.

– Дедушка, а что было с Альфредом и его сыном в дальнейшем?

– Альфред вернулся в свою пещеру, а сын остался у деда. Старик полюбил внука всей душой. Окружил мальчика лаской, и роскошью. Он в нем видел свою любимую дочь.

– А как получилось, что Альфред похоронен в одной могиле с женой, очевидно его сын похоронил? – спросил Роман.

– У Альфреда был в селе один человек, с которым он вел дружественные отношения.

– А как же так получилось? Ведь Альфред прятался от людей.

– А было так. Однажды Альфред спустился в лодке по реке на край леса, вышел на берег и увидел человека, который спилил дерево и режет его на куски. Человек увидел Альфреда и окаменел от страха.

– Ты чего испугался?

– А ты кто?

– А как ты думаешь, кем я могу быть?

– Ты, случайно, не Бердыш?

– А если я Бердыш, то, что тут такого?

– Да, ты Бердыш, но я тебе не сделал ничего плохого. Ты меня не убьешь?

– А разве я убийца?

– Я не знаю, но говорят, что ты можешь убить, если захочешь.

– Люди дураки. У меня один враг, а до остальных мне нет дела. А ты зачем дерево срубил, что думаешь делать, на дрова?

– Нет, на дрова я сухие ветки собираю, а это на дом. Мой домишко совсем завалился, негде мне с детьми жить.

– Ну, и как ты это дерево доставишь домой? Тебе привезут?

– Никто мне не привезет, мне нечем платить.

– Знаешь что, я тебе помогу. Только помни, про меня ты не должен никому говорить.

Ты меня понял?

– Да, конечно, понял. Только чем ты можешь мне помочь?

– Приходи завтра на это самое место. Эти поленья никто не возьмет, а я тебе кое-что дам. А сейчас иди к лодке, дам тебе рыбу на ужин. Скажешь жене, что сам наловил, а про меня ни гу-гу.

Человека звали Мирон. Удивленный, он оставил свои поленья и ушел, любуясь крупной рыбой и размышляя, что ему сказать жене или встречным людям, чем он ее наловил. На другой день Мирон пришел к условленному месту. Бердыш уже его ждал.

– Ну, как, никому не похвалился, что меня встретил? – спросил Бердыш.

– Нет, Бердыш, никому я не говорил и говорить не буду.

– Вот и хорошо. Теперь слушай внимательно и делай все, что тебе скажу. Вот возьми эти шкурки, походи на базар и продай, а вырученные деньги поделим пополам.

– А если меня спросят, где я их взял? Все знают что я не охотник, и охотиться у меня нечем.

– Мало ли чего бывает. Скажи, что догадался, как капканы ставить. Да будь ты, Мирон похитрее, не будь таким растяпой.

– Хорошо, постараюсь. А как мне с тобой увидеться? Я не знаю, где ты живешь.

– Тебе и знать не надо. Видишь этот бугорок, а на нем самое высокое дерево? Если я тебе буду нужен, привяжи на верхушке белый лоскуток, я увижу и приду.

– Да я на это дерево не вылезу, да еще на самую верхушку.

– Ой, Мирон, какой ты недогадливый. Найди в лесу длинную жердь, нацепи на нее лоскут и высади на дерево, но не на самую верхушку, но повыше. Ты можешь это сделать, стоя на земле. А если ты мне будешь нужен, то я прицеплю на той горке красный лоскут. Увидишь и будешь меня ждать.

И с тех пор у Бердыша появился друг и помощник.

– И что, Бердыш помог этому человеку?

– Очень много помог. Ведь меха всегда дорогие. Мирон носил их на базар, и деньгами они делились пополам. За вырученные деньги Мирон в течение года купил лошадь, а для крестьянина это большое богатство. Ну и дом скоро построил и уж на спине бревен не таскал. И вот, когда Альфред оставил сына у деда, он на время успокоился. Рад был, что мальчику там хорошо, и, главное, не будет расти в лесу дикарем. Отдохнув с дороги, он немедленно принялся долбить вторую могилу, думая: «Кто знает, всегда ли у меня будет сила в руках, чтобы долбить этот камень. Лучше я сейчас, возле тебя, моя подруга, приготовлю свое ложе. А Мирон уж этими бревнами меня прикроет и этими камнями завалит. Да-да, моя дорогая подруга, я лягу только возле тебя, и мы будем с тобой путешествовать. А за сына ты не беспокойся, он хорошо себя чувствует у бабушки и дедушки. Я еще к нему наведаюсь и точно узнаю». Когда Бердыш почувствовал слабость и недомогание, он привел Мирона к своим пещерам и попросил его:

– Вот, смотри, Мирон, где я живу. Если спустя два дня не увидишь на скале красного пятна, значит, я умер или очень болен. Ты придешь ко мне домой, вот этой короткой дорожкой, и похоронишь меня. Я тебе покажу, где и как ты должен схоронить меня. После похорон, ты вон там, под этим камнем, возьмешь письмо, отнесешь в город и отдашь моему сыну, или его

деду или бабушке. Здесь все указано: название города, все фамилии и кому назначено письмо. Что найдешь в пещере, заведи себе. Но не веди людей, сам управься. Сделаешь, как я прошу?

– Сделаю, Бердыш.

– Иди со мной и поклянись на могиле моей жены, там есть крест.

– Клянусь! – торжественно поклялся Мирон, и на этом они разошлись.

После этого Альфред жил недолго. Он умер не от старости и не от болезни, а скорее, от тоски по жене и по сыну. После его похорон Мирон отнес письмо отцу Терезии, Николаю Браницкому.

– А что, сын Альфреда приезжал?

– Да, приезжали, сын Вацлав, отец Терезии Николай Браницкий и его сестра Анна. Вацлав привез священника и почти все люди из села пришли на поминки. Да, и я уже окончил повесть про Альфреда Ожельского.

– Дедушка, еще одну минутку.

– Да, капитан, что ты еще хочешь знать?

– Я хочу вас спросить, откуда вы знаете эту повесть так подробно?

– Вот это умный вопрос. Я читал книжечку о Бердыше. Когда Альфред почувствовал себя плохо, он ночью пошел к священнику и исповедовался, а тот его спросил: «Могу ли я твою исповедь записать в книгу? Ведь твоя жизнь это целая поучительная история». «Пишите, отец», – согласился Альфред, – «Только пусть люди читают после моей смерти». Вот и все я вам рассказал, мои детки. Ночь уже кончается, а когда спать, отдыхать? Вам завтра в дорогу, еще свалитесь с лошадей сонные.

– О, дедушка, нам не впервые, приходилось и по три ночи не спать. А за такой рассказ не жалко и ночь подарить, – заговорили все солдаты.

– А если вы не завтра поедете, а послезавтра? Ведь у вас отпуск-то большой.

– Это, дедушка, уже их дело. Я думаю, они домой торопятся. Как скажете, хлопцы? – обращаясь к своим воинам и выразительно поглядывая на Густава, спросил Роман.

– А я не против. Как скажет большинство. Я лично не очень тороплюсь, меня никто не ждет, и дом заколочен, – ответил Густав.

– А мне-то некуда спешить, разве что в монастырь. Ну, так как, хлопцы? – спросил Роман.

– Мы остаемся еще на завтра, если хозяевам не надоели.

– Нет-нет, люди добрые, не надоели, гуляйте, отдыхайте, – пригласила пани Агата.

– Ну, если так, расскажите нам еще про крепость, дедушка, если вы не устали, – предложил Густав.

– Да-да, расскажите, мы спать не хотим, – загалдели солдаты.

– Про крепость много не расскажу, я совсем мало про нее знаю.

– Сколько знаете, столько и расскажите.

– Ну, уж ладно, буду вам болтать до восхода солнца. Давным-давно, когда еще не было огнестрельного оружия и на земле между государствами не было твердых границ, люди не знали, когда нападет враг. Они спасались бегством в лес. А уж орды татарские, монгольские и прочие и в лесах находили притаившихся людей. Вот и возникла необходимость строить крепости. Правда, крепость Казимировская не древняя, но довольно давно построенная. А село Казимировка образовалось из ютившихся в лесах людей, которые остались в живых. Они пришли сюда, поскольку здесь был сплошной лес, и орды к ним не доходили. Лес расчищали, село росло, люди окрепли. Их никто не беспокоил, и они зажили богато. Но прошло время, и снова начались войны. Нет татар, так другие нападают. То немцы покоя не дают, то испанцы, то мавры, то чехи и так дальше. Во время одного затишья в Казимировку приехал молодой священник, не старше тридцати лет. Ознакомившись с местностью и наслушавшись рассказов об истории села Казимировка, он предложил людям построить крепость на скале, которая

сохранилась до сих пор. Люди согласились, и предание гласит, что он вложил в постройку весь свой капитал и очень скоро построил крепость. Кроме своих людей, нанимал чужих, да еще и государство посылало пленных. И мало того, что построил твердыню, еще и провел от нее подземные ходы-тоннели и обеспечил доступ к воде. Было бы хорошо, детки, если бы я вам там, на месте, рассказывал, но пока довольствуйтесь и этим. Да, там, в крепости есть громадные подвалы, можно сказать, целые лабиринты. Много чего сделала природа, а доделали люди под руководством священника Юзефа Вавельского. Чужой человек может там заблудиться.

– И что, пригодилась крепость? – спросил кто-то.

– О, да! И не один раз. Юзеф Вавельский руководил всеми операциями. Это был человек сильный, энергичный, тактичный. Он мог быть хорошим полководцем, но был верен своему призванию. В его честь и крепость назвали «Вавель». Он установил дозор села, охрана стерегла круглые сутки. Если враг подступал, люди успевали заранее укрыться в крепости. А если враг сильный, и не могли его отразить, успевали убежать по тоннелям и спрятаться в непроходимых лесах.

– Дедушка, а это, правда, что ценности до сих пор хранятся в крепостных подвалах, и никто их взять не может, потому, что дух священника их охраняет, – спросила Зося.

– Зося, не слушай эти бредни. Священник Вавельский не может быть призраком. Он не был ни колдуном, ни упырем. Это, можно сказать, святой человек, не жалевавший ни денег, ни своего труда. А призрака кто-то выдумал.

– Дедушка, а это, правда, что ненормальный Омелька нашел немного каких-то ценностей и хочет на Катерине жениться? – опять спросила Зося.

– То, что Омелька на Катерине хочет жениться, правда. Но кто же за ненормального отдаст, да еще единственную дочь. Правда, у него есть какое-то колечко. Кто-то потерял, а он нашел, и говорят, что у него есть много колец. Но он, будто бы, даст их девушке, когда она выйдет за него замуж. Дурак-дурак, а как подманывать, сообразил.

– Дедушка, а если правда, и ценности еще хранятся?

– Не знаю, Зося, я их не искал. Если ты такая любопытная, пойди на пару с Омелькой и, он тебе покажет, где клад хранится. А лучше, выйди за него замуж, тогда он тебе все золото отдаст.

Итак, маленький рассказ закончился шуткой. На дворе стало светло, небо на востоке порозовело.

– Дети, начинается день, давайте все-таки ляжем немного поспать, – предложил дед.

Долго убеждать не пришлось, все разошлись и разлеглись, кто где мог. Роман ушел на свою прежнюю постель к солдатам. Показавшееся солнце застало людей, спящих мертвецким сном. Только Кудыма не спал. Он был возле лошадей, проверял, все ли они на месте. Бондарык тоже не ложился, он поплыл по реке к своим коробкам, посмотреть, есть ли рыба. Посчитав лошадей и убедившись, что все на месте, Кудыма сел на берегу и ждал возвращения Бондарыка. Тот скоро вернулся с богатым уловом.

– Что, воин, не ложился спать? – спросил Бондарык, выгружая рыбу.

– Нет, не ложился. Ждал вас с рыбой. Я ее очень люблю, и буду сейчас чистить. Ведь дадите на завтрак?

– Конечно. Я тоже буду чистить, пусть они все поспят. Мы с тобой сварим уху, испечем картошки. Смотри, сколько золы, и вся горячая. Хорошо в ней картошку печь.

– Да, вот именно, – подтвердил Кудыма, а затем спросил, – А как вы думаете, это правда, что в крепости есть какой-то клад?

– А кто его знает, может и есть. Были такие смельчаки, что ходили, искали, но ничего не нашли.

– Ну, а призраки есть?

– Говорят, будто бы есть. Говорят, потому и не нашли, что призрак к ним шел. Один из смельчаков даже заболел с перепуга.

– Значит, все-таки есть призрак, если люди его видели и испугались.

– А я все же не верю.

– А почему вы сами не пойдете? – спросил Кудыма, – Богатство человеку не помешает.

– Иногда очень даже мешает.

– Не понимаю, каким образом может мешать.

– Ой, Кудыма-Кудыма! Разве богач спокойно спит? У него всегда тревога на душе. Дома на три замка закрывается, в дороге назад оглядывается.

– А я хотел бы немного быть богатым.

– Ты так любишь богатство? Смотри, не заделайся грабителем.

– грабителем я не буду никогда, у меня совесть есть. Но если бы нашел какие-нибудь ценности, зная, что они ничьи, все-таки взял бы. Знаешь, пан Бондарык, я тебе признаюсь, у меня есть одна вдова. Я ее очень люблю, но никак жениться на ней не могу. Она мне все время говорит: «Зачем я за тебя замуж пойду? Моих детей трое, да с тобой прибудет. Моего имущества на всех не хватит, а ты гол, как сокол». Я ей говорю, что буду трудиться, а она мне в ответ: «Трудиться будешь, пока здоровье есть, а вдруг заболеешь. Что я буду с такой оравой делать? Хватит с меня, первый муж уже научил, боюсь».

– Значит, она тебя по-настоящему не любит.

– Как не любит! Когда к ней приезжаю, она меня всего обцелует, обмилует. Что лучшее у нее есть, детям не даст, а все меня кормит. А дети за мной ходят, как цыплята за наседкой и все просят: «Дядя Аверьян, не уезжай, будь у нас всегда, мы будем тебя слушать. Будь, дядя, будь». Знаешь, уезжаю от них, и сердце, поверишь, болит. И бабу люблю, и деток тоже люблю. Они у нее хорошие.

– Ну, Аверьян, напрасно ты оттягиваешься. Вот кончай службу и иди ко мне в помощники. Ты, я вижу, разбитной мужик. Бабу с детьми забирай, квартиру дам, и заработаешь у меня немало. Я замечал, что ты лошадей тоже любишь и возле них кое-чего смыслишь, а мне, такого как раз и надо. Мой старший конюх уже старенький, а заменить, подходящего пока нет. Ну, как, по рукам?

– По рукам. Но, все же с бабой надо посоветоваться.

– А ты с ней много не советуйся, подгоняй телегу, грузи вещи, забирай детей и баба прибежит, пошумит, покричит и сядет. Потом сама тебе спасибо скажет.

– Так я, наверно, и сделаю, если баба будет тянуть. Только надо уже этот год дослужить. Сказать по правде, так мне эта граница надоела. Что горькая редька. Ну, что, пан Бондарек, будем поднимать наш лагерь? Уже час дня, и уха готовая, и картошка тоже. Пока раскачаются, два часа будет. И в дорогу собираться надо. Капитан говорил, что в шесть часов вечера поедем. Ночевать у вас уже не будем. И коням и людям легче будет. А днем, видишь, какая жара, дышать нечем.

– Ты прав, Кудыма, бери трубу и труби подъем. Но сперва поешь кусок рыбы, а то твой начальник станет гонять тебя туда-сюда, и не поешь, как следует.

– Это, да, так может быть. Он у меня вообще-то, добрая злюка.

Обед и завтрак были вместе, ели с аппетитом. За едой вспоминали дедовские ночные рассказы. Все было интересно, необычно, и змея, и вещая птица. А Бердыша все без исключения жалели, каждый свое мнение высказывал, и говорили, что на обратном пути заедут на денек посмотреть его крепость. Очень всех взбудоражил призрак, хотелось знать, правда это или басни.

Густав от Янины не отставал, был так мил, что со стороны казалось, в этом человеке никогда не бывает злости. Даже солдатам снисходительно улыбался. Вот только Романа всячески избегал. Роман все видел и понимал, но Густаву не мешал. Ему и самолюбие не позволяло

драться с Густавом за девушку, и он понимал, что насильно мил не будешь. А Густав использовал уныние и молчание Романа, и при удобном случае нашептывал девушке скверные слова:

– Бедный братец, наверно скучает по девушке, а голова болит, пойти не дает.

Был уже пятый час. Роман позвал Густава и напомнил ему:

– Слушай, Густав, пора нам собираться. Я думал, в шесть мы уже двинем в путь, но уже не успеем. Давай поднимать солдат, и хотя бы к восьми собраться.

– Давай, я ничего против не имею.

Поговорив между собой, офицеры подошли к хозяйкам.

– Уважаемые дамы, мы решили немедленно собраться в путь. Спасибо за гостеприимство, но нам пора.

– Как так?! – завопили обе женщины: пани Агата и Павлина. Девушки скромно молчали, за целый день один только раз поели, – Без ужина не отпустим.

– И то, правда, – отозвался Бондарык, – Чего вдруг так заспешили, поужинайте, немного отдохните, и чуть на зорьку, в дорогу. Правда, дед?

– Да я тоже такого мнения, Петр. Ну, так как, детки, ужинаем вместе, или все-таки твердо решили ехать?

– Что с вами делать, дедушка. Спрошу у Густава, как он окончательно скажет.

– Если от меня зависит окончательное слово, то я бы принял столь любезное приглашение.

Тогда останемся на ужин. Только Густав, чуть свет, едем обязательно. Отпуск отпуском, а нас начальство может спросить, почему мы так долго держали людей в дороге.

Глава 6. Зофия и Алекса

Вскоре все двинулись домой. Роман продолжал держаться подальше от женщин, он ехал впереди своего маленького отряда, рядом с неразлучным денщиком Марекком. Тот ему что-то говорил. Роман, улыбаясь, кивал. Не доезжая полутора верст до хозяйства Раевских, они увидели всадника, мчавшегося во весь опор. Подъехав к воротам поместья, всадник скрылся во дворе.

- Кто это может быть, Марек? По-моему, это военный. Я хорошо видел.
- Да, я тоже видел, что это военный.
- Давай поедем скорее. Наверно, на границе что-то случилось.

Всадник, весь в дорожной пыли, уже сидел во дворе хозяйства и вытирал грязным носовым платком пот со лба и шеи. Конюх водил взмыленного, тяжело дышащего коня. Роман быстро подъехал и узнал всадника.

- Бродницкий, что случилось, почему ты так гнал коня? Сиди, я вижу, что ты еле живой.
- Пан капитан, разрешите доложить!
- Вольно! Тебе говорят, докладывай сидя.
- Пан капитан, у нас беда. Немцы угнали больше ста голов скота из села Броды.
- Как так? Напали на село и угнали? А кто они, военные или штатские? Говори, как это было, не спеши.
- Вы знаете, пан капитан, напротив села Броды есть островок.
- Да, знаю, там отличный сенокос.
- Да, я сам там не раз косил траву. И вот после косовицы трава подросла, стала по колено. Немцы, не знаю, что подумали, но позавчера пригнали туда свой скот. Пастухи из Брод увидели и выгнали их скот, а туда пригнали свой. Завязалась драка. Немцев было больше, они наших пастухов избили и весь наш скот угнали к себе. Наш начальник к ним поехал и велел скот отдать, но они сказали, что скот отдадут, только когда начальник подпишет бумагу, что остров их, а не наш. Тогда начальник велел мне вас догонять и сказал: «Без капитана Зарыцкого не возвращайся. А по дороге собирай солдат, которых я отпустил на отдых. Сам можешь отдохнуть пару дней и возвращайся». Но я с вами тоже поеду.
- И не думай, коня загонишь, сам свалишься. На тебе лица нет. Тебя хозяева накормят, напоят, помогут. Отдохнешь и приедешь.

Уже через полчаса двор опустел и стало тихо-тихо, как будто никого и не было. А до этого, во время лихорадочной спешки и беготни, Янина одиноко стояла возле дома и издали наблюдала, как собираются в дорогу солдаты. Ей вдруг до боли стало жалко, что уезжают эти люди. Они привнесли в этот дом оживление, разнообразие, а без них сразу станет как-то тоскливо и монотонно. Все развлечения у девушек это снова вышивка, рукоделие, езда на лошадях и фортепиано. Но музыка тоже быстро наскучит, особенно, если ее никто не слушает.

И вот, наконец, подойдя к Янине и глядя ей в глаза, Роман тихо сказал:

- Прощайте, Янина, милая моему сердцу. Вот этот цветок, что твоя рука мне подарила, буду хранить всегда и постараюсь с ним лечь в могилу. И тепло твоей руки на сердце буду чувствовать всегда. Скажи мне хоть одно теплое слово на прощание, – Янина молчала, – Не можешь? Ну, что же, так и быть. Прости за просьбу.

Роман круто развернулся, вскочил на коня, и возглавляемый им отряд уехал. Все вышли за ворота проводить гостей-пограничников. Только Янины не было среди провожатых. Она вошла в свою комнату и расплакалась. В сущности, Романа она полюбила, но боялась дать ему понять. Она не могла примириться с его женолюбием. Ей стало обидно, что в ту памятную ночь,

когда подарил ей незабудки, он гулял с другой девушкой. А гордость не позволила ей с кем-то поделиться, посоветоваться. Вот за эту-то гордость Янина и была так жестоко наказана.

Вбежала Зося.

– Ты что тут делаешь, Яня? Почему наших мальчиков не провожала? Густав пару раз меня спрашивал, куда ты подевалась. Ты с ним попрощалась, или нет?

– Не прощалась и прощаться не намерена.

– Чего это вдруг? Какая муха тебя укусила? Чего вдруг захандрила? Не беспокойся, немцы их не съедят. Видишь, какие хлопцы! Недаром начальник приказал их догнать для расправы с немцами.

На ужин пригласили молодого сержанта. Он пришел с Бондарыком и дедом Матвеем. Это был выше среднего роста, тёмно-русый, сероглазый, двадцати двух лет парень, живой и веселый.

– Вот вам, барышни, привел кавалера, напоите, накормите, только долго не держите, пусть отдыхает, а завтра уже делайте с ним, что хотите. Алекса Бродницкий, – отрекомендовал его Бондарык, – Заядлый любитель лошадей и девушек. Угадал, пан Алекса?

– Не надо мне говорить пан Алекса. Позже, когда будет седая борода, как у дедушки, тогда я уже буду и пан, и дед Алекса. А насчет лошадей, то какой может быть воин без лошади, а кавалер без девушки. Только монахи без них живут, а я пока вольный казак, и от них отказываться никак не могу, – отпарировал сержант Бондарыку.

Ответ сержанта Бродницкого всем понравился. Зося захлопала в ладоши и сказала:

– Bravo- bravo, пан Алик. Вы правы. Воин без лошади, не воин. А девушек у вас много?

– Как тебе не стыдно, Зося, выпрашивать, – пристыдила дочку мама Павлина.

– Да, панна Зося, девушек много, полная Земля, симпатизирую всем. А любить? Еще ни одной не любил.

– Алик, сынок, а сколько же тебе лет, что ни одной еще не любил? – спросил дед Матвей.

– Дедушка, уже двадцать два. Мои ровесники поженились. А к моему сердцу не добралась еще ни одна девица.

– Что же ты такой разборчивый?

– Дедушка, я не разборчив, а просто не попал под притяжение. Это мы, хлопцы, так в армии выражаемся.

– Ха-ха-ха! – от души засмеялись все присутствующие.

– Ну-ну, интересно, какая тебя притянет, – хохоча, спросил Бондарык, поднимая рюмку с вином, – Давай выпьем за твое будущее притяжение.

– Ой, пан Бондарык, мне кажется, оно у меня уже есть, – выразительно поглядывая на Зося, ответил Алик.

– Ну, тогда давайте выпьем за успешное притяжение нашего молодого сержанта, – предложил дед.

Ужин прошел весело. Сержант Бродницкий всем понравился. Зося громко смеялась, не стесняясь, даже Янина улыбалась. На ужине долго не засиживались. Дед вскоре увел парня во флигель на отдых. В доме остались одни женщины.

– Ну, как вам парень? – спросила пани Агата.

– Славный хлопец, и, по-моему, не воображало, – ответила Павлина.

– Мама, этот парень, что надо. Я даже могу в него влюбиться, – высказала свое мнение Зося.

– Что-то ты, Зося, часто влюбляешься. Не успел Роман уехать, как она уже в Алика влюбилась. Ты ему хоть этого не показывай, а то подумает, что ты вертихвостка, – урезонивала Павлина дочку.

– Мама, да я и тени интереса не покажу. Пока не объяснится мне три раза в любви, я даже намека не дам, – ответила Зося.

– А все же, Зося, как ты так только можешь. Ведь Роман знает, что ты ему симпатизируешь. И вот, представь себе, что на обратном пути он заедет к нам и сделает тебе предложение. Что ты ему тогда скажешь? – спросила Янина.

– Яня, он мне предложение не сделает никогда, я в этом уверена. Так чего же мне ждать у моря погоды. Что, буду сидеть, как дура, и сохнуть по нему? Это не в моем характере. И он вообще-то очень гордый, вроде тебя, – ответила Зося.

– Да, жалко, что Зося ему не понравилась. А я думала, они оба будут нашими зятями, – сокрушалась пани Агата.

– Тетя, зачем вы все ломаете головы с этими военными зятями? Как будто нет на свете других людей, кроме них. Вот мы с Зосей рассердимся и уедем в монастырь и будем монашками, – сказала Янина.

– Ты, Яня, можешь, а меня, разве что на цепь посадят.

– Ты правду сказала, Зося. Тебя точно стоило бы посадить на цепь.

– Ну, девочки, пошли спать. Спокойной ночи, – закончила разговор Павлина.

В спальне старших женщин еще с час горела ночная лампа и слышался негромкий разговор:

– Как ты думаешь, Павлина, кого из этих двух Янина выберет в мужа, Густава или Романа?

– А кто ж его знает. Янина такая, что не спросит совета ни у вас, ни у меня. Только, мне кажется, она выбрала Густава, – ответила Павлина.

– И хорошо, что Густава. Роман, правда, приятнее, но он, мне кажется, капризный и немного волокита, – рассуждала пани Агата.

– С чего вы взяли, что капризный и волокита? – спросила Павлина.

– Видишь, как он себя ведет, то веселый, любезный, то сидит молча, как мумия египетская.

– А может, у него есть что-то на сердце, а сказать некому. Мы для него чужие люди, да и знаком он с нами мало. А что волокита? Откуда вы знаете?

– Я, Павлина, нечаянно подслушала, как Густав говорил Янине, будто Роман ночью был в селе, и хлопцы побили его за девушку.

– Знаете, пани Агата, это настоящая ложь. Он не мог быть ни одной ночи в селе. Они даже полной неделки у нас не гостили.

– Я слышала обратное, будто Роман и Густав подрались. Но об этом вы молчите. Я точно не знаю. А не зная, разглашать не надо.

Так рассуждали старшие женщины. А в спальне девушек было тихо. Зося, только легла, сразу уснула, а Янина села у раскрытого окна и предалась думам. Луна взошла полная, чистая, вся белая. В саду были видны даже далекие аллеи, а соловей без усталости выводил свои залихватистые трели. Янине хотелось выйти в сад, с кем-то посидеть и послушать его ночное пение, но с кем?

Выбор, кажется, есть и его нет. Приезжало несколько кавалеров, но ни один не понравился. Военные лучше всех, кого знала Янина.

«Роман действительно ух-мужчина, но что с того, если он непостоянный. Густав, конечно, не то, но все-таки лучше других, и такой любезный. А впрочем, если что не так, пойду в монастырь, там тоже люди живут. Или буду вольной птицей хозяйничать. Велико ли это счастье – замужество», – размышляла Янина.

Но очень скоро, устав от дум, она сложила руки на подоконнике, склонила на них голову и уснула. На обнаженную руку с дерева вдруг упал холодный лист. И ей приснилось, что это Роман положил ей букет незабудок. Во сне она обрадовалась и спросила:

– Пан Роман, вы так скоро вернулись?

Роман заулыбался и не ответил, лишь поцеловал ее в щечку. Губы у него были ледяные, но она от него не отвернулась. Только спросила:

– А где же пан Густав?

Роман вдруг отскочил от нее и, обиженный, не сказав ни слова, медленно ушел по светлой аллее. Она его звала, просила вернуться, но он ни разу даже не посмотрел в ее сторону и словно растаял в воздухе. От своего крика Янина проснулась, и сняла с руки и лица листья яблони. Зося тоже проснулась и с недоумением посмотрела на Янину, а потом спросила:

– Яня, что случилось? Почему ты у окна? Там кто-то есть?

– Нет никого, я во сне кричала.

– Ты что, у окна уснула?

– Да, уснула и видела его.

– Кого его?

– Романа. Он мою руку поцеловал, а потом в щечку.

– Ты знаешь, что это было?

– Знаю. Сон и все.

– Нет, это его душа к тебе прилетала.

– Как душа? Что он умер?

– Нет, не обязательно. Мне дедушка говорил, если человек по кому-то очень скучает, то во время сна его душа может на короткое время улетать.

– Бредни говоришь, Зося.

– Может и бредни, но я так слышала от деда.

– Завтра же дедушку спрошу, а сейчас лягу спать, уже поздно. Зося, ложись со мной, мне как-то не по себе.

– Эх, Яня, какая ты дура. Конечно, извини меня. Знаешь, как-то у меня это слово само вырвалось. Можешь даже выгнать на кухню спать.

– Что, значит, выгнать на кухню? Чепуху, Зося, говоришь. И надоели мне твои постоянные извинения.

– Знаешь, все-таки ты хозяйка, а я прислуги дочь.

– Опять чепуху мелешь, давай лучше спать.

Завтрак прошел весело. Где сержант Бродницкий, там скуки нет.

– Слушай, Алик, а как на границе, тяжело службу нести? – спросил Бондарык.

– Граница, пан Бондарык, как граница. Хочешь носить голову, значит, смотри в оба глаза, – ответил Алик.

– Ну, а как начальники, Зарыцкий и Маревич, хорошо к вам, солдатам, относятся? – расспрашивал Бондарык.

– Капитан Зарыцкий? Я хоть и мало был под его командой, но за него прыгнул бы в огонь и воду. Маревич тоже неплохой, но только больно любит солдат по физиономии ляскать.

– Как? Без причины, говоришь, ляскает?

– Причина-то есть, но все же каждый раз ляс, да ляс. Все же обидно.

– И тебе, наверно, не раз попало?

– Нет, дедушка, я стараюсь, чтобы не попадало.

– А если попадет, что сделаешь?

– Если бы меня ляскали за мелочи, как этих солдат-баранов, я бы не стерпел.

– А что, дал бы пощечину начальнику?

– И дал бы.

– И за это на гауптвахту на десять суток, на хлеб и воду пошел бы? А может, поручик приказал бы солдатам всыпать двадцать пять нагаек за твою дерзость.

– Ну, дедушка, за нагайки я бы отомстил ему так, что запомнил навсегда. Да, одну минутку, я сейчас.

И сержант умчался стрелой. Через две минуты он вернулся, неся в руке целый снопок полевых цветов. И разделив их на четыре части, раздал дамам.

– Так рано? Где же вы их взяли? Они мокрые от росы? – спросила пани Агата, любуясь цветами.

– В поле, пани, и на краю леса.

– Да он встал вместе со мной, – сказал Бондарык, – Я около шести вышел по хозяйству, смотрю, кто-то меня догоняет, а это наш сержант. Спрашиваю, почему так рано встал, а он говорит: «Хочу посмотреть, что моя лошадь делает. Не захворала ли от вчерашней езды, так сказать, от вчерашнего галопа».

– Ну и что, не повредил вашей лошадке галоп? – спросили женщины.

– Нет пани, моя лошадка сыта, здорова, вполне отдохнула, также, как и я. Спасибо вам большое, мы можем уже сегодня отправляться в обратный путь.

– Ну, что ты, сержант, отдыхай. И дай лошади отдохнуть после такой гонки. Тебе ясно сказал капитан, что можешь отдохнуть несколько дней.

– Да, конечно, чего спешить, там и без вас управятся, – подтвердила Зося.

– Ну, если панна Зося сказала, остаюсь, хоть потом голову снесут.

Легкий, банальный разговор был прерван новыми посетителями, покупателями лошадей. В столовую вошли трое: двое мужчин средних лет и молодой человек в спортивном костюме. Младший представился:

– Моя фамилия Понджа, имя Феликс. Участник Варшавских скачек. А это мои помощники в выборе лошадей – Шпельский и Гернес.

– Вы немец? – наморщив лоб, спросила пани Агата.

– Нет, пани, я уже не немец. Мой прапрадед был немцем. А ради моей фамилии, я думаю, вы не откажете продать нам хорошую лошадь для пана Понджи?

– Ну, что вы, конечно, не откажем. Какое значение имеет фамилия, – ответил Бондарык, с упреком посмотрев на пани Агату, – Идемте, я вам покажу наших скакунов.

– Знаете, мне нужна лошадь быстрая, горячая. Для этого годится жеребец, он всегда немного нервничает и охотник бегать и прыгать, – объяснил сам спортсмен.

– О. у нас такой есть, и даже слишком нервный и горячий.

– А уже обьезженный?

– Нет, некому его обьезжать, он слишком буйный.

– Но кто-то на него садился?

– Да, пан спортсмен. Один из старых конюхов на него садится, но дальше своего двора боится.

– Ну и отлично, он подержит, а я сяду, и конь мой.

Так разговаривая, все вышли смотреть, что будет дальше. Женщины держались у забора, а мужчины пошли к конюшням. Вскоре пожилой конюх вывел норовистого коня, черного, как ворон, уже оседланного, уговаривая его ласковыми словами, поглаживая по мордочке и угощая кусочками сахара.

– Станьте так, чтобы он меня не видел. Вот хорошо, – и спортсмен легко вскочил на лошадь.

Но, едва она почувствовала на себе седока, пронзительно заржала и стала прыгать во все стороны. Все смотрели, затаив дыхание. Она и задними ногами бросалась, и на дыбы поднималась, и вертелась как юла. И вдруг сделав несколько оборотов туда-сюда, подбежала к забору, в один миг перепрыгнула в сад, а из сада, перемахнув через канаву, рванула к табуну лошадей, пасшемся невдалеке.

Спортсмена с лошади, как ветром сдуло. Он лежал в саду на траве, раскинув руки и ноги. Все побежали к спортсмену и помогли ему встать. Но спортсмен на вопросы не отвечал. Прихрамывая на правую ногу, он подошел к забору и своей пядью стал мерить забор, а измерив, заговорил: «Вот это прыжок. Конь, не дрессированный, а перепрыгнул полтора метра высоты. Да если его выдрессировать, он всех за пояс заткнет».

– Не за пояс, а за седло, – пошутил Алик.

Все улыбнулись, а девушки засмеялись.

– Дайте мне коня, – попросил спортсмен, – Я его поймаю.

– Не надо, он вас разнесет на куски, я сам пойду, – сказал пожилой конюх.

– А можно, я пойду, – предложил Алик.

– Не надо, не надо, – дружно закричали все разом.

Но, Алик их криков уже не слышал, он бежал к табуну, что-то громко насвистывая. Табун было видно. Все вышли за ворота и стали наблюдать, чем это кончится. Видно было, как он крутится между лошадями, стараясь подойти к жеребцу спереди. Но вот он поймал коня за уздечку и попытался вскочить на него. Не удалось. Тогда Алик, держась за уздечку у самой морды, вдруг ухватил коня ногами за шею и через минуту оказался в седле. Конь затанцевал на месте, а потом пустился бежать прямо на сад, но Алик его удержал от этого маневра. Тогда конь рванул в направлении хозяйства, выделывая по дороге всякие кренделя, но Алик и этого не допустил. Перед самыми воротами, он круто развернул коня на месте и пронзительно крикнул: «Ги-га, ги-га!» Конь стрелой помчался в чистое поле. Женщины завопили:

– Пропал хлопец! И что теперь будет, что скажем начальству? – причитала пани Агата.

– Успокойтесь, пани, с ним ничего не случится, – сказал конюх.

– Как не случится, его уже не видно, – не унималась пани Агата.

– И хорошо, что не видно. Так и надо. Он из него дурь выколачивает. Главное, чтобы конь не сбросил седока на землю, – объяснял старик.

– А если сбросит? – спросила пани Агата.

– Не сбросит, – убедительно сказал старый конюх, – Тот парень держится на лошади, как клещ. Я его сегодня видел, как он на норовистой кобыле гарцевал в поле. Вот бы он нам в хозяйстве пригодился, всех лошадей объездил бы.

Алика с лошастью не было добрых полчаса. Ожидавшим они показалось вечностью. И вот, наконец, вдалеке показался всадник, лошадь бежала ровно, мелкой рысью, и вдруг послышалась песня. Алик задорно ее пел:

В чарным ляску пташек съпева.

Там Касенька травки збера.

Ку-ку-ля, ку-ку-ля

Ой, ку-ку, ку-ку, зазуля!

Назберала, насклада,

И Ясенька заволала

Ку-ку-ля, ку-ку-ля

Ой, ку-ку, ку-ку, зазуля!

Ходзь Ясеньку, травки завдай,

Тылько до мене ниц не гадай

Ку-ку-ля, ку-ку-ля

Ой, ку-ку, ку-ку, зазуля!
Хиба бы сердце скаженяло
Жебы до себе не гадало
Ку-ку-ля, ку-ку-ля
Ой, ку-ку, ку-ку, зазуля!

– Вот, задавака, как самодовольно распевает песню, – сказала Янина, скорчив гримасу.

– Он не задавака, а просто веселый парень, – заступился дед.

А Зося ничего не сказала, только подумала: «Чего-то нашей барышне не понравился сержант. Наверно потому, что на нее не обратил особого внимания».

Песня оборвалась. Алик подъехал ближе к обществу. Рубаха на нем была расстегнута, фуражки на голове не было, волосы взлохмачены, но на губах играла улыбка. Его засыпали вопросами: «Ну что, наелся страху? А где твоя фуражка? А как он себя вел? Где ты с ним гонял?».

– Вот вам. Взял зверя, а привел тихого ягненка.

– А как он себя вел?

– О, уж как вел, то там, за этим селом, есть отпечаток его поведения. Кто хорошо лошадей знает, тот прочтет его поведение. Он так танцевал, такие выделял кренделя, что в цирке акробаты так не смогут.

– После такой сумасшедшей дрессировки тебе еще хотелось петь?

– Я, дедушка, от радости пел, что укротил такого буяна. Он не ходил, а летал по земле, и я на нем летал. Мне кажется, я не сидел, а только руками за гриву держался.

– А где твоя фуражка?

– А кто ее знает. Где-то в поле. Если бы не пуговицы, то Буян раздел бы меня догола.

Лошадь была вся в мыле, пожилой конюх водил ее, чтобы остыла, а покупатели внимательно смотрели на ее поведение. Женщины тоже смотрели и слушали, что про нее говорили. Зося вдруг вспомнила, что Алик рассказывал что-то интересное про свою лошадь, и напонила ему:

– Алик, а вы вчера говорили что-то интересное про своего скакуна.

– Хорошо, расскажу, только сначала Буяна надо отвести в его клетку, а то у него и так нервы напряжены.

Буяна отвели в клетку. Тогда Алик вывел своего коня и велел ему стоять на месте, а сам отошел немного дальше и стал командовать:

– Марсик, смирно! – скомандовал он, и конь застыл на месте, – Марсик не спеши, идет офицер, надо его поприветствовать. Осторожно, правую ногу к козырьку, правильно. Теперь поприветствуй меня, – конь сел на свой зад и поднял переднюю ногу вверх, стараясь приложить копыто к уху, – Вольно, Марсик, встань. А теперь сделай «Мерси», – и лошадь очень комично скривила морду, приподняв верхнюю губу.

Когда все отсмеялись, Алик продолжил показывать, что ещё умеет его лошадь:

– Марсик, ты меня любишь? – лошадь заржала, – Если любишь, поцелуй, – лошадь полизала Аликину щеку, а потом подставила свою и застыла в ожидании, – А, ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал? – лошадь согласно заржала, – Ну, хорошо, – и Алик поцеловал коня, приговаривая, – Мой ты хороший Марсик, мой ты друг дорогой. А теперь стой, и жди меня, – лошадь замерла на месте, не двигаясь, и только глазами поводила за своим хозяином.

Алик, меж тем, сбегал в свою временную квартиру и принес в бумажке несколько кусочков сахара:

– Кто хочет угостить моего Марсика?

– Я хочу, – первой сказала Зося.

– И я хочу, – повторила Янина.

– А я боюсь, чтобы ваш Марсик не укусил меня за руку, – сказала пани Агата.

– Дай мне, – попросил дед Матвей.

Раздав всем сахар, Алик сказал лошади:

– Иди, Марсик, к барышням, они дадут тебе сахару. Вот к этой, – Алик показал на Янину, – Панна Янина, положите сахар на ладонь, Марсик возьмет, но вас не укусит.

– Я знаю, как лошадей кормить, – ответила Янина.

– И я тоже знаю. Я свою Норку из рук кормлю, – добавила Зося.

Лошадь подходила к каждому по очереди и нежно, одними губами, забирала сахар.

– Ну, что, съел? Ах, как вкусно! Теперь поблагодари барышень, поклонись, – лошадь встала перед девушками на одно колено и опустила голову до самой земли.

– Молодец, Марсик! – обняв коня за голову, сказал Алик и добавил, – Вот тебе еще кусочек сахара, ешь на здоровье и иди в конюшню клевер есть.

– Ну, пан сержант, вы настоящий дрессировщик, а как он бегают? – поинтересовался спортсмен.

– Вихрь, не лошадь.

– Да, верю. Из ваших рук может выйти вихрь. Пан сержант, продайте мне вашего Марсика. Я торговаться не буду, уплачу, сколько скажете.

– Что вы сказали? Чтобы я продал своего лучшего друга? Ни за что и никому его не продам.

– А если я вдвойне уплачу?

– И вчетверо, и впятеро, не отдам.

– Напрасно вы к нему так пристрастились, это же не человек.

– Он лучше многих человеков.

– Ну, это уже напрасно, это уже сентиментальности. Разве можно ставить животное на уровень человека?

– Может, и нельзя, но я свою лошадь ценю выше многих людей. Люди обо мне не плакали, если б я умер, а он плакал.

– А вы, что, уже умирали и видели, как он плакал? – спросила чуть насмешливо Янина.

Но остальные слушатели перебили реплику Янины и попросили Алика рассказать, как это было.

– Тут нечего рассказывать. Я однажды спрятался от него, хотел узнать, будет он меня искать или нет. Сначала он стал меня звать. Ржал-ржал, а потом начал оглядываться по сторонам. Не увидев меня, опустил голову к самой земле и стал нюхать, как собака, мои следы.

– И нашел? – спросил спортсмен.

– Да, нашел. Но я притворился, будто неживой. Он меня обнюхал, а потом мордой постарался меня перевернуть, потому, что я лежал лицом вниз. Когда ему это не удалось, стал переворачивать ногой, как это делают кошки или собаки.

– И что? Перевернул? Он же мог вас копытом прибить, – недоумевал спортсмен.

– Да, конечно, но я незаметно ему помог. Когда он меня копытом греб, я сам чуть поворачивался. И когда я уже лежал на спине, он опять стал меня нюхать и смотреть в лицо. А когда он меня переворачивал и нюхал, то все время тихо гудел. Убедившись что я не двигаюсь, иначе говоря, неживой, он свесил надо мной голову так, что его морда легла мне на грудь и замолчал. Я открыл глаза, смотрю, а у него из глаз катятся слезинки. Я не могу выразить своих чувств к этому животному. Вы меня поняли? Могли ли я его продать после этого?

– Да, действительно, лошадь очень умна и к вам очень привязана. Продать ее жалко. Но если бы, например, так получилось, что ваша невеста поставила бы ультиматум: или я, или твоя лошадь. Кого бы вы себе оставили, любимую лошадь, или невесту, тоже любимую?

– Знаете, пан спортсмен, Ваш вопрос звучит как-то бестолково.

– Я знал, что вы так ответите. Но, все же?

– Хотите моего ответа? Хорошо, отвечу. Если мне девушка поставит такое условие, или, иначе говоря, приревнует к животному, я оставлю лошадь, а глупую невесту отпущу на все четыре стороны.

– Bravo- bravo, сержант. Разве можно ревновать к животному, – улыбаясь, отметил Бондарык.

Женщины тоже улыбались, одобряя ответ Алика. Только Янина стояла недвижно, молча нахмутив лоб.

– Ты что, не одобряешь ответ пана Алика? – спросила Зося.

– Что тут одобрять. Пан Алик, наверно, долго мучил своего коня, пока довел его до такого ума. А теперь взялся за моего жеребца, и даже не спросил, хочу я его дрессировки, или нет.

От этих слов все как будто проснулись и с удивлением посмотрели на Янину. Покупатели, все трое, подошли к ней и наперебой стали спрашивать:

– так это ваш жеребец?

– Да, мой, – коротко ответила девушка.

– Вы его нам продадите?

– Нет, не продам. Буду на него любоваться. Есть же люди, что любят животных, а почему я не могу любить?

Янина обернулась и пошла в дом, а за ней и все остальные. Во дворе остались только дед Матвей и Алик.

– Что случилось с девкой, я еще такой ее не видел, – удивляясь, сказал дед, – Тут какая-то причина есть. Ты посиди, а я пойду. Узнаю, и тебе скажу.

– А зачем мне, дедушка, знать? Но, мне поделом, чтобы в другой раз, не спросив, в чужие дела не лез.

Дед ушел в большой дом, а Алик пошел в конюшню, оседлал своего Марсика и позвал пожилого конюха. Вынул из кармана деньги и дал старику.

– Вот вам, дядюшка, два злотых за уход за моим Марсиком, а вот, еще десять отдайте панне Янине. Скажите ей, что дал ей за то, что кормила меня и моего Марсика. Только обязательно отдайте ей деньги.

– Я-то ей дам, но она обидится. Пани Агата и Павлина не брали с солдат денег.

– Ну, а с меня панна Янина возьмет. Она ведь здесь хозяйка.

– Ну, какая она хозяйка? Тут хозяйничают трое: Бондарык, Агата и Павлина. А Янина пока нет.

– Дядюшка, какое мне дело до ваших порядков. Пани Янина сказала, что она здесь хозяйка. Так, пожалуйста, пойдите и позовите ее во двор, а я за воротами постою и посмотрю, дали вы ей деньги, или нет. А вот эту записку дадите пани Зосе, только так, чтобы никто не видел. Вы меня поняли?

– А, теперь понял. Тут что-то кроется и вам так надо сделать. Иду.

– Вот именно. Спасибо, что поняли.

Алик подождал, пока Янина ни вышла на крыльцо. Старик отдал ей деньги, объяснив, что это за деньги, и зачем он их дает. За Яниной вышла Зося и удивленно слушала старика. Янина сначала взяла деньги, а когда во всем разобралась, велела немедленно вернуть их сержанту.

– Кому я отдам? Его уже нет, он уехал на службу.

Но, будто бы что-то припомнив, он повернул голову в сторону ворот и закричал:

– А вот он сам здесь, за воротами. Что-то делает у седла.

Янина повернулась в сторону ворот и помахала рукой, призывая Алекса к себе. Но Алик на неё не смотрел, он следил за Зосей и стариком, когда тот отдавал ей записку. Лишь убедив-

шись, что записка в Зосиных руках, он посмотрел в сторону Янины, поприветствовал её по-военному и помчался прочь. Через секунду повернул голову в сторону крыльца, но Янины там уже не было. Только Зося стояла и глядела ему вслед. Алик придержал лошадь, послал Зосе три воздушных поцелуя, а старику помахал рукой, и лишь тогда ускакал по-настоящему. Когда Алик скрылся, Зося забралась в кусты и начала читать записку:

«Уважаемая пани Зося! Я так хотел еще погостить, поехать с вами в лес, где вы устраивали пикник. Но, сделал большую ошибку, вызвавшись самовольно укрощать Буяна. Я думал, что хорошо сделал, укротив лошадь, потому что она и по характеру капризная. Кто не знает, как к ней подойти, тот от нее же может крепко пострадать. Но это второстепенное, а главного я не учел. Это то, что с первого знакомства панна Янина почему-то меня невзлюбила. Но, я не понял, почему. А еще главное из главного то, что я лишился вашего общества. панна Зося. Если можно, напишите мне, что я плохого сделал панне Янине. До свидания. Целую ваши ручки. Преданный вам, Алекса.

P.S. Панна Зося, письмо для вас я пришлю на имя дедушки Матвея, и вы тоже пишете мне через него. Дедушке передайте мои извинения.

Мой адрес: Лодзское воеводство. Застава №22/5762».

Прочитав письмо, Зося заплакала от радости и обиды:

«Зачем она мне позавидовала, разве ей мало кавалеров? Я-то ей никогда не завидую. И говорит, что я ей сестра. Да какая я ей сестра. Только языком треплет, а при удобном случае высказалась, что только она здесь хозяйка. Хорошо же, теперь я напишу ему письмо, а ей ничего не скажу. И если выйду замуж за Алика, то уеду к нему жить и маму заберу. Здесь я не останусь. Не надо мне ее милости».

Так Зося рассуждала сама с собой. А в гостиной разыгралась другая сцена. Когда Янина вернулась, она швырнула деньги Алика Бондарыку на стол и сказала:

– Вот вам деньги. Сержант оплатил за ночлег.

– За ночлег? Я с ним не договаривался.

– Я тоже, – ответила Янина.

– Но раз он вам их дал, то берите, – сказал Бондарык.

– Вы хозяин, Вы ведете счет, значит, и деньги должны быть у вас. А с Буяном делайте по вашему усмотрению, продайте или оставьте, как найдете нужным. Мне лично он уже не нужен. До свидания, – высказавшись, Янина вышла, оставив и своих, и чужих в недоумении.

Она вошла в свою спальню и посмотрелась в зеркало. Щеки ее пылали ярким румянцем. Осмотрев себя как бы со стороны, вдруг застыдилась своих поступков, отвернулась от зеркала и, хлопнув с досады дверь, отправилась искать Зося. Понапрасну обойдя все хозяйство, пошла искать в саду:

– Зося! Зося! Где ты? Ты слышишь? Зося!

А Зося сидела в кустах и сквозь листья наблюдала, куда пойдет Янина. и когда та ушла в противоположную сторону, Зося выскочила из засады и помчалась во весь дух в конюшню. Оседлав свою Норку, она помчалась в село прямо к деду. Не доезжая села, увидела у моста через реку сидящего Алика. Сердце забило тревогу, не случилось ли с ним чего недоброго. Она подъехала к нему поближе:

– Пан Алик, что случилось? Что с вами?

Поднимаясь и оправляя на себе форменную одежду, сияющий сержант, ответил:

– Со мной-то ничего не случилось, а вот с вами случилось. Чем объяснить, что вы здесь одна?

– Да нечего объяснять. Просто еду к своему дедушке.

– Как же вы едете к нему, если он еще у вас?

– А откуда вы знаете, что он еще у нас?

– Потому знаю, что я его жду, а он еще не проезжал по этой дороге. Но, я, видно, счастливый человек, что увидел вас сегодня еще раз. Не правда ли, Зося?

– Может, и правда, – краснея, ответила Зося.

– Так давайте поедem куда-нибудь подальше, чтоб нам никто не мешал. Поговорим немного. Вы мне верите? Я так рад, что еще раз вас вижу.

– Кто его знает, может и рады.

– Вы сомневаетесь? Почему?

– Потому что, все говорят, военные обманывают.

– Это неправда, обманщики есть везде не только военные.

Неподалеку виднелась зеленая рощица, к ней-то и направилась наша пара.

– Вот и хорошо, лошадки пусть пощиплют травку, а мы здесь посидим, и вы мне расскажите, за что меня панна Янина так невзлюбила. По-моему, я ее ничем не обидел.

– Я точно и сама не знаю, но мне кажется, за то, что вы плохо говорили про вашего поручика, а капитана хвалили.

– А что, она к нему равнодушна?

– Вот именно.

– Вот оно что! Ну, и выбрала же себе счастье. Лучше бы выбрала нашего капитана, а то такую злюку. Панна Зося, а если я вам что-то скажу, Вы не осудите меня за наглость? Не посмеетесь?

– Зависит от того, что вы скажете.

– Например, что я вас полюбил с первого взгляда. Ну, что вы скажете?

– Этого не может быть, так не бывает.

– Бывает. Более того, так оно и есть. Скажите, а вы могли бы подождать меня два года?

– Два года это не вечность. Но могу ли я быть уверена, что вы меня не забудете, или другую с первого взгляда не полюбите?

– Ваш ответ очень резонный, но так не будет. Я вам докажу.

Вдали по дороге катилась телега. Алик первым ее заметил.

– Вот, я вижу, дедушка едет. Но, вы не вставайте, он не один, его кто-то везет. О-о! Телегу догоняет всадник. Да это панна Янина.

– Тогда поедem и мы к дедушке.

– Нет, не надо. Пусть они вернуться домой, тогда мы поедem к дедушке. Панна Зося, подарите мне еще немножко вашего общества. Я ведь нескоро вас увижу, только весной, или на Новый год. Но, я буду очень стараться, чтобы начальник был мною доволен и поскорее отпустил бы меня домой на побывку. Тогда я к вам приеду.

Через полчаса, телега, которая везла деда Матвея, возвратилась, и Янина тоже. А наша пара влюбленных будто бы спешила, девушка домой, а сержант на службу, но, однако, досиделись до сумерек, и лишь тогда подъехали к дому деда.

– Ну, теперь нам пора с визитом к деду. Прощай, моя любимая Зося, я чувствую, ты будешь меня ждать.

Парень обнял девушку и нежно поцеловал в губы.

– Ох, как не хочется расставаться, а надо.

Они постучали в дверь.

– Кто там? Заходите, дверь не заперта, – слышался голос деда.

Алик и Зося вошли.

– Свят-свят-свят. А вы откуда взялись? Ты что сержант, ездил с ней на границу и уже проверил посты? – шутя и подмигивая, говорил дед, – Где вас носило? Там с Зосей целые поиски. Говорят, ты с сержантом удрала. Ну, говорите, где были?

– Совсем недалеко от моста, в зеленой роще. Когда ты ехал, мы видели тебя и Янину, но не хотели, чтобы она нас видела. Потому и не поехали вслед за тобой. А теперь заехали к тебе для совета.

– Я вас слушаю. Что же там у вас стряслось?

– Дедушка, я полюбил вашу внучку, и она меня тоже. А теперь ждем, что вы нам скажете, – выпалил одним духом Алик.

– Так скоро? И уже окончательного ответа ждете?

– Я, дедушка, должен сейчас уехать. Мне некогда медлить, и завтра или послезавтра ждать ответа.

– Но, не навек же ты едешь, и вообще, мы не знаем, кто ты и что из себя представляешь.

– А что мне из себя представлять, я весь налицо, скрывать ничего не умею, за что мне порою и плохо бывает. Дедушка, скажите, стараться мне заслужить скорый отпуск или нет?

– На этот вопрос пусть тебе Зося ответит. Ну, Зося, что парню скажешь?

– Пусть старается, только и здоровья своего не подрывает.

– Ги-га! – закричал Алик от радости и пошел плясать от вприсядку, потом схватил деда в объятия и давай целовать и просить деда, – Смотри же, дедушка, за Зосей, чтобы ее другой не подхватил, пока я приеду. А теперь прощайте. Разреши девушке Зосе проводить меня за село.

– Пусть провожает, только недолго. Сам знаешь что позорно девушке ночью наедине с парнем, да еще с военным, шататься.

– Хорошо, дедушка, я долго не буду. Я сама хочу, чтобы он уже ехал, хотя бы ради лошади, а то мечется вся.

Зося была недолго. Дед ещё сидел на скамейке у ворот, когда она вернулась. Глаза у Зоси были мокрыми от слез.

– Ты что, плачешь?

– А так, дедушка, жалко, что уехал.

– Нечего плакать, жив будет, приедет. А вот ты мне скажи, как это у вас получилось, что вы за одни сутки уже готовы идти к венцу.

– Я и сама не знаю, дедушка, как это все произошло.

Вдруг они услышали:

– Тпр-р-р, стой! Эй-эй, есть там кто живой?

И кто-то сильно постучал в ворота. Дед вышел.

– Кто такой? – спросил он.

– Это я, Бондарык, ищу Зофию Вишневскую. Она к вам не заезжала?

– Я тут, – отозвалась Зося за спиной деда.

– Ух, ты! Где же ты, барышня, была целый день? Люди уже с ног сбились, разыскивая тебя. Ты поверишь, дед, сегодня сумасшедший день и все из-за этого сержанта. Он, как тот вихрь, налетел, закрутил и исчез. А где он сам девался, ты дед, не знаешь? Там сегодня панна Янина Раевская дуриет. Зачем-то объявила, что она персональная хозяйка в своем имении, как будто и так никто этого не знает.

– А ты жеребца продал, Петро?

– Да, продал этого бешеного жеребца. Тоже за бешеные деньги, и отдал их молодой хозяйке.

– И что, она взяла?

– Нет, не взяла. Сказала, чтобы я ей не морочил голову, а хозяйничал, как хозяйничаю. Вот уж дела. Явились в наш тихий уголок военные, и все в доме пошло вверх дном. А бабы сделались полунормальными.

– Ха-ха-ха! – засмеялась Зося потому, что почувствовала, что это и ее касается.

– Хи-хи-хи, панна Зося, – передразнил ее Бондарык, – Тебе хорошо смеяться. У тебя одна дорога была, а у меня двадцать. До сих пор шатаюсь, не обедал, не ужинал, а она своё хи-хи-хи.

– Дедушка Петрусь, не сердись, – целуя пана Бондарыка то в одну, то в другую щеку, говорила панна Зося, – Если с тобой что-либо приключится наподобие моего, я тоже буду тебя искать целехонький день. Не буду обедать, ужинать и капельки воды в рот не возьму.

– Ну, что ты ей скажешь? Коза козой. Знать бы, что недаром где-то пропадала.

– Недаром, дядюшка, недаром. Поймала зайца. Вот потому и пропадала.

– А где он? Какой он?

– Обыкновенный, дядюшка. Поймала, бросила в сумку, а завтра будем есть его на обед.

– Ага, понял. Пока девица про зайчика не хочет говорить. Ладно, не буду спрашивать и другим не скажу. Так?

– Именно, так.

– Тогда спокойной ночи, дед Матвей, мы едем, а то матери ее жалко, волнуется.

Глава 7. Семейная драма

Бондарык и Зося уехали, а дед Матвей вдруг припомнил, как некогда тот же Бондарык слишком уж часто приходил в их дом к его единственной дочери Павлине.

Павлина тогда была совсем молоденькой семнадцатилетней девушкой. У молодого человека, разумеется, были серьезные намерения, но все же отец не разрешил тогда Павлине выходить замуж так рано. Пусть девушка окрепнет, возмужает. И покладистый Бондарык согласился, по взаимному уговору, ждать желанную невесту еще целых два года. Но случилось иное. Как-то раз барин Раевский увидел Павлину и попросил деда отпустить ее в горничные к своей жене. Жена Раевского оказалась болезненной женщиной, и врачи навсегда запретили ей иметь детей.

Павлина прослужила у Раевских почти год, когда однажды весной дед Вишневский пришел и твердо заявил, что забирает дочь домой. «Жених не хочет ждать два года, и я готовлю им свадьбу». Раевский взмолился и стал просить Вишневого отсрочить венчание хотя бы на полгода, так как врачи посылают его жену немедленно лечиться в Италии или в Швейцарии. Без горничной она поехать не может, а другую горничную наспех не найти. И Вишневский согласился подождать со свадьбой дочери.

Но какой же был удар для отца Павлины и ее жениха, когда Павлина, по возвращении из Италии, вдруг отказалась от свадьбы. А вскоре выяснилось, что она беременна. Отец рвал на себе волосы, а жених ходил, как в воду опущенный. Когда Вишневский спросил, зачем же Раевский сотворил эту подлость, тот ответил, что все случилось по доброй воле Павлины. Он желал иметь наследника, а его жена к этому неспособна.

– Но, как же тогда быть Павлине?

– Мы скажем, что Павлина там, за границей, вышла замуж, но муж оказался непостоянным и бросил ее.

– И что же дальше?

– А дальше ничего страшного. В своем завещании я отпишу половину имения ее ребенку, а после моей смерти оно полностью перейдет к ней.

– А на чьей же фамилии будет ребенок?

– Пока он будет на фамилии Вишневских.

– Ах, Раевский, какой же ты негодяй! Зачем ты сделал такую подлость и испортил девушке всю жизнь? Я так оберегал её, нашел достойного жениха, сам во второй раз не женился, чтобы никакая мачеха не обижала мою дочь, а ты! – и бедный отец заплакал.

– Слушай, Вишневский, не плачь. Я и сам теперь жалею, но уже поздно. Знаешь, я поддался уговору жены. Это я правду тебе говорю. Она принудила меня дать слово, что после ее смерти я ни на ком не женюсь, разве только на Павлине. И даже сумела Павлину уговорить, чтобы та подарила ей своего ребенка, если только ребенок будет от меня. Когда сказал, что это невозможно, она заявила, что очень даже возможно. И чтобы я непременно дал Павлине богатое приданное, а за такое богатство Павлина найдет себе любого жениха. Но будет лучше, если я сам на ней женюсь.

– А откуда такая уверенность, что жена обязательно умрет? Разве врачи боги, чтобы точно определить?

– У жены такая болезнь, что она в точности должна умереть.

– И что же это за болезнь? Говори уж до конца.

– Не знаю, как она называется, но врачи сказали, какое-то неизлечимое воспаление в желудке.

Вспомнив тот непростой разговор с Раевским, дед Матвей тяжело вздохнул и пошел в дом. Лежа в постели, он думал свои думы: «Да, и Бондарык простил моей Павлине ее проступок, любит ее до сих пор и готов хоть сейчас на ней жениться. И почему Павлина не хочет, сам не знаю. Неужели она до сих пор не может забыть Раевского? Значит, она действительно его любила. Эх! Что было, то было, спи, дед Матвей, а то ночь разберут без тебя. Да, хорошо говорить спи, когда не спится. Ну, и что же получилось? Моя дочь родила Зося, а спустя три месяца Лиза Раевская родила Янину. Кто же отец Янины, если Раевский был с женщинами только две недельки? Павлина говорила, что после отъезда Раевского в свое поместье, Елизавета ежедневно ездила на прогулки с каким-то итальянским вельможей, дома ее почти никогда не было, только ночевала, и то, не всегда. И зачем Лиза так поступила? Была ли это любовь, или всё-таки месть мужу и Павлине? Но, она же сама этого хотела. Ох, эти женщины, такие твари, что их и сам леший не поймет. Вот хотя бы посмотреть на Янину, почему, к примеру, она сегодня кидалась то в зло, то в добро. Непонятная, как и ее родная мать. Другое дело Зося, прямая, открытая. Алик ей как раз под пару, пусть бы на ней женился. Надо ее постеречь, чтобы не получилось, как с матерью. Да, но кто их устережет, когда за ними, за этими женщинами, так и ходит по пятам этот с хвостом, о ком не говорится вслух. Вот, например, Зося, характером и лицом вся в Раевского. Но, однако просидела сегодня где-то с сержантом, а окажется он прохвостом, и все бы могло случиться. Эх, бабы-бабы, нет на вас управы. А Раевский был, в сущности, хорошим человеком. Да, интересно все-таки, решится моя Павлина выйти замуж за Бондарыка или нет? Он, дурак, еще ее ждет, все простил. Или же Янина, ведь узнает она когда-нибудь о проступках своих родителей. Как она к этому отнесется? Думаю, будет ей очень тяжело. Она ведь самолюбивая, да еще с большим гонором. Не то, что Зося, мирная тихая овечка. Ну, дед, кажется всех перебрал, слышу уже петухи на утро поют. Спи, дед, спокойной тебе ночи. А-а-а, еще забыл об Агате. Ну, что ж, первых двух женихов она отправила восвояси, а больше у нее их уже не было, так и осталась в девках. Ну, а старый лакей Юзеф служил еще у старого Раевского. После смерти старика остался дослуживать и доживать свой век у молодого Кароля Раевского. Вот теперь конец моим рассуждениям. Пстой, Матвей, еще минутку. Вспомни, как звали итальянского вельможу. Тебе же Павлина под большим секретом сказала. Ага, вспомнил, имя Мартинэ, фамилия Зильгари. Да, точно так, Мартинэ Зильгари. Он-то и есть настоящий отец Янины. Интересно, знает он что-нибудь о своей дочери или нет? Надо спросить Павлину, она-то больше меня знает», – зевнул дед и уснул.

В доме Раевских никто не спал, все сидели в столовой и каждый высказывал свои мысли и предположения. Рассыльные все уже вернулись. Один из них сказал, что кто-то из людей видел Зося у моста с молодым солдатом, а куда они подевались потом, никто не знает. Все в доме тут же заключили, что Зося сбежала с сержантом. Правда, еще ждали Бондарыка.

Но вот двери открылись, и вошли Бондарык с Зосей. На нее накинута с упреками и вопросами, где была и почему так поступила.

– Мы думали, ты сбежала с этим солдафоном. Ведь тебя люди видели с ним, не будешь же ты отпираться, – злобно затрещала пани Агата.

– Почему солдафон? – возмутилась Зося, – То был сержантом паном Алексой Бродницким. Все его уважали, а теперь вдруг солдафон. А что этот солдафон чуть не поплатился жизнью, укрощая Буяна, так об этом никто не подумал. Ну, что же, мне нечего отпираться. Да, я видела Алика у моста. Он мыл свою лошадь, мы немного поговорили, и он поехал своей дорогой, а я поехала к дедушке.

– Но дедушки не было дома, и ты это знала, – сказала пани Агата.

– Конечно, знала, – ответила Зося.

– Так с чего же ты вдруг поехала догонять сержанта? – с ехидцей спросила Янина.

– А если бы и догонять, твоё какое дело? – отрезала Зося.

– Вот как. Ты посмотри, тетя, кем она себя вообразила. Скоро она будет тебе и мне диктовать, а не мы ей, – заносчиво сказала Янина.

– Успокойся, панна Янина, диктовать я тебе не собираюсь. Я сейчас же могу с мамой пойти к дедушке, мы не бездомные. Мы, панна Янина, живем здесь по просьбе вашего отца. Я хорошо помню. Но его уже давно нет, и мы можем уйти и не слушать, кто здесь хозяйка. Я и сама знаю, кто. Давай, мама собирайся, а я пойду телегу запрягу, я это умею. Хватит тебе уже батрачить, пусть другие займут твой пост, – высказавшись, выбежала Зося.

Пани Агата и Янина обозлились еще пуще.

– Как она смеет нам так говорить? Она, что, не знает кто она такая? Или ты ей не сказала? Она думает, что молочные сестры, это уже родня? – вспылила пани Агата.

Тут-то Павлина и возмутилась не на шутку Выпрямившись во весь рост и подбоченясь, глядя в упор то на Агату, то на Янину, вдруг сказала:

– А вы-то сами знаете, кто такая Зофия и кто Янина?

– Ну, и кто же? – спросила Агата.

– Вам и в голову не придет, кто они такие.

– Так, кто же они, говори! – потребовала пани Агата.

Но Бондарык, который стоял и не вмешивался в бабий спор, положил этому конец.

– Павлина, не надо спорить и доказывать, кто какой. Выйди на воздух и успокойся. О. Господи! Или покупатели принесли сегодня такой нечистый дух, что все если не бегают, то так спорят, чего раньше у нас никогда не было. Пошли, Павлина, а то, я вижу, ты скоро разрыдаешься, – и, взяв ее за руку, вывел во двор потому, что она действительно тут же разрыдалась.

– Павлина, успокойся. И в самом деле, тебе Зося правильно сказала, до каких пор ты будешь батрачить. Пошла бы ко мне жить, уже была бы полной хозяйкой. Пора уже и меня пожалеть. Сколько я буду тебя ждать, до могилы? Меня не устраивает, если мы вместе в гроб ляжем. Смотри, я уже седею.

– А разве ты меня по-настоящему простил? Не будешь упрекать? – сквозь слезы спросила Павлина.

– Павлина-Павлина, и ты еще сомневаешься? За столько лет терпеливого ожидания?

Бондарык обнял Павлину и поцеловал. Это был их первый поцелуй.

Возле конюшни послышалось фыркание лошади. Павлина и Петро опомнились и побежали туда. Зося уже запрягала лошадей в телегу.

– Зося, что ты делаешь, разве завтра дня не будет? Хочешь дедушку перепугать? – с упреком спросил Бондарык.

– А где же я буду ночевать, если не у деда? Туда, в барский дом, я больше не пойду, – ответила Зося.

– Туда, если не хочешь идти, не надо, – ответил Бондарык.

– А где же мне быть? Туда не надо, к деду нельзя.

– Будешь вместе с мамой у меня ночевать.

– У вас? А это с какой радости?

– А с такой, что я на твоей маме женюсь.

– Это правда, или опять какие-то шутки?

– По-моему, сегодня никаких шуток не было, скорее плачь. Но, плакать тоже ни к чему. Ну, пошли девочки.

Квартира Бондарыка состояла из большого коридора, кладовки и двух комнат. Первая его комната была приемной и рабочей. Слева стояла длинная скамейка для посетителей, дальше под стеной стоял шкаф, где хранились бумаги. Против дверей, в конце комнаты, стоял письменный стол, пара стульев, а по правую сторону – большой диван, обтянутый кожей. Вторая ком-

ната была спальней Бондарыка, но в ней, кроме кровати, был буфетный шкаф, еще один диван, гардеробный шкаф, прикроватная тумбочка, а посередине комнаты – круглый стол со стульями вокруг него.

– Вот вам, мои дорогие гости, кровать и диван, в шкафу чистое постельное белье, а я пойду и приготовлю что-нибудь поесть.

– Где же ты будешь готовить? У тебя кухни нет, – сказала Павлина.

– Есть у меня и кухня, и кладовка, и все, что надо. Хозяйки нет. И дом с обстановкой в селе есть, а хозяйка где-то кому-то служит, а мне не хочет. Вот я вам все сказал и иду готовить ужин.

Бондврык ушел, а женщины занялись постелью.

– Мама, а где же он будет спать, если мы зайдем кровать и диван?

– Мы обе ляжем на диван. Видишь, какой он широкий, а он пусть спит на кровати.

– Мама, я сама приготовлю постели, а ты иди к нему и помоги готовить ужин. Он из-за меня сегодня не обедал и не ужинал, голодный, как волк. Посмотри, чтобы он наелся. А я не голодная.

Зося приготовила постели и, не дожидаясь ужина, легла на диван и уснула.

– Ты почему сюда пришла? Видишь, какой здесь беспорядок. Посуда не мыта, пол не подметен, – засуетился Бондарык.

– Петро, это все не важно. Где твой огонь, на чем готовишь, и что хочешь приготовить? – спросила Павлина.

– Огонь это спиртовая машинка, а готовить я могу только яичницу, картошку и чай.

– Давай все это сюда и воды.

За пятнадцать минут все было готово: жареная картошка, яичница и чай. Все это аккуратно было подано на стол. Бондарык достал из буфета бутылку малиновой наливки. Павлина все подкладывала Петру в тарелку. Петро, действительно, ел как волк, любуясь приготовленным. Утолив первый голод, он обратил внимание, что Павлина ничего не ест.

– Павлина, почему же ты ничего не ешь, только в меня пихаешь, как в бочку.

– Я сегодня немного поела. Ты вот скажи, где Зося была? И правда, что она с сержантом была у моста или еще где-то?

– Конечно, она с ним там была. Но ты никому не говори и ей не препятствуй. Она девушка самостоятельная, и парень тоже неплохой. Хватит, что наша жизнь искалечена, так хоть ей не калечь. Павлина, скажи правду, чья она дочь, какого-то итальянца-забулдыги, или-или?

– А разве и так не видно? Она же его копия.

– Но, как это получилось? Я его считал честным человеком.

– Виноват не он, а его жена Елизавета и, конечно, я.

– Как же так может быть?

– Нас обоих Лиза уговорила. Ей нужен был ребенок, а другой женщины она не хотела. Я была польщена и вдобавок крепко глупа. А тебя избегала, боялась упреков. Вот и все.

– Хорошо, я тебе верю. Но тогда зачем она родила, если к этому вас обоих принудила? Зачем Раевский согласился?

– Раевский не соглашался, и Янина не его дочь.

– Господи, помилуй меня грешного, – Бондарык перекрестился, – И чья же она?

– Отец Янины итальянский вельможа.

– И Раевский это позволил?

– Она все время с ним гуляла. Я тогда Лизу спросила, зачем она меня принудила, если сама теперь хочет рожать? Она сперва сказала, что не мое это дело, а потом подумала и ответила: «Павлина, не беспокойся, твоему и моему ребенку я сделаю завещание, поделю все поровну. И знаешь, Павлина, я скоро умру, но впервые по-настоящему полюбила и хочу эти несколько месяцев пожить вволю».

- Вот негодяйка, искалечила судьбу девушке, мужу принесла такое горе и сама исчезла.
- Петро, не надо о покойнице так говорить, ее душа уже стоит у ворот судилища. Совсем недолго, и я с ней рядом встану.
- Прости, Павлина. Хороший я тебе прием устроил. Больше этой темы касаться не будем.

Вечером, когда Павлина ушла из барского дома, две женщины, молодая и старая, сидели ошеломленные поведением своей ключницы и ее дочери. Первой отозвалась пани Агата, обращаясь к старому лакею, который сидел у двери, сутулясь от старости.

– Ты посмотри, Юзеф, как наша Павлина с дочкой о себе вообразили, и еще какие-то намеки бросают на Янину, что ты, дескать, не знаешь, кто она такая. Ну, что бы ты на моем месте ей сказал?

– Наверно, она что-то знает, если так говорит. Павлина даром говорить не будет.

– Ты смешной, Юзеф. Что можно сказать про Янину, что она подкидыш? Или ты ее матери и отца не знаешь? Или, может быть, с Бондарыком или с каким-то конюхом нагуляла, да?

– Я, пани, ничего не знаю. Павлина сказала, ее и спрашивайте. А за покойной Раевской я не ходил и не следил, что она делала.

– Ну, так и не говори, что Павлина что-то знает.

– Не знаю, пани, не знаю. Спокойной ночи, иду спать.

Старик, конечно же, знал больше, чем пани Агата, но вмешиваться в чужие дела не хотел.

– Слушай, тетя, на что это Павлина намекает? – спросила Янина.

– Не знаю. По-моему, рассердилась за дочку, что ты ее поругала, – с достоинством ответила пани Агата.

– Между прочим, тетя, я нетактично поступила с Зосей. Знаешь, тетя, я сегодня злая, как никогда, и Зосю незаслуженно два раза упрекнула, что она здесь не хозяйка. Я сама не знаю, чем, но меня этот сержант просто раздражал. Знаешь, еле сдержалась, мне хотелось его выгнать.

– Ну, это уже напрасно. Он славный парень. Веселый, отважный. Смотри, как Буяна приструнил.

– А ну его, этого сержанта, идем спать. Интересно, где наши обиженные дамы будут ночевать? Наверно, у деда?

Утром, когда пани Агата еще спала, ее разбудил стук в дверь.

– Кто там? Это ты, Павлина? Заходи, – отозвалась пани Агата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.